

антология
пермской
литературы

Алексей
МАЛЬЦЕВ

ПУНКТИР
ГАБАРИТНЫХ
ОГНЕЙ

сборник стихотворений

антология
пермской
литературы

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание сборника стихотворений «Пунктир габаритных огней» Алексея Васильевича Мальцева и подготовка его электронной версии в рамках проектов «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru) и «Литературное Прикамье» осуществлены при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru) и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель»
благодарят галерею «Марис-Арт» за содействие
в оформлении серии «Антология пермской литературы».

В оформлении книги использованы работы члена Союза художников России Владислава ДЁГТЕВА.

На обложке, титульном листе: «Перекрёсток», из серии «Огни большого города», 2009 г., графика, бумага, монотипия.

На форзаце: «Улица Ленина», 2018 г., холст, масло.

том двадцать седьмой

Алексей
МАЛЬЦЕВ

**ПУНКТИР
ГАБАРИТНЫХ
ОГНЕЙ**

сборник стихотворений

«Пермский писатель»
Пермь • 2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
М21

антология пермской литературы • том 27

Алексей Васильевич Мальцев
Пунктир габаритных огней
Сборник стихотворений

Мальцев А. В.

М21 **Пунктир габаритных огней:** сборник стихотворений. — Пермь: Пермский писатель, 2021. — 224 с. — (Антология пермской литературы; т. 27).

ISBN 978-5-6044740-4-4

Предлагаемый стихотворный сборник широко известного писателя из Перми Алексея Мальцева отличает жизненно актуальная тематическая широта. Поэт с пронзительной остротой раскрывает бытийно-философскую составляющую нашей жизни, которая исполнена горестями утрат, радостью новизны, печалью воспоминаний о неповторимом, но ушедшем... При этом улавливает в суетности и сиюминутности городской неразберихи сугубо медицинские ассоциации (градусник телебашни, например), порождённые, казалось бы, личным опытом автора, но приближающие нас к граням бытийной действительности.

В строках о любви к женщине ему удаётся сохранить трепет и нерешительность юности, а в светлой грусти осенних уральских пейзажей — прикоснуться к традиционным устоям славянства. Мальцев находит поэзию там, где мы проходим по сто раз за день, ничего не замечая.

Сборник «Пунктир габаритных огней» выходит в год шестидесятилетия автора. Может быть, поэтому он наиболее полно на данный момент представляет творческий результат работы поэта Алексея Васильевича Мальцева. Книга предназначена читателю старше 16 лет.

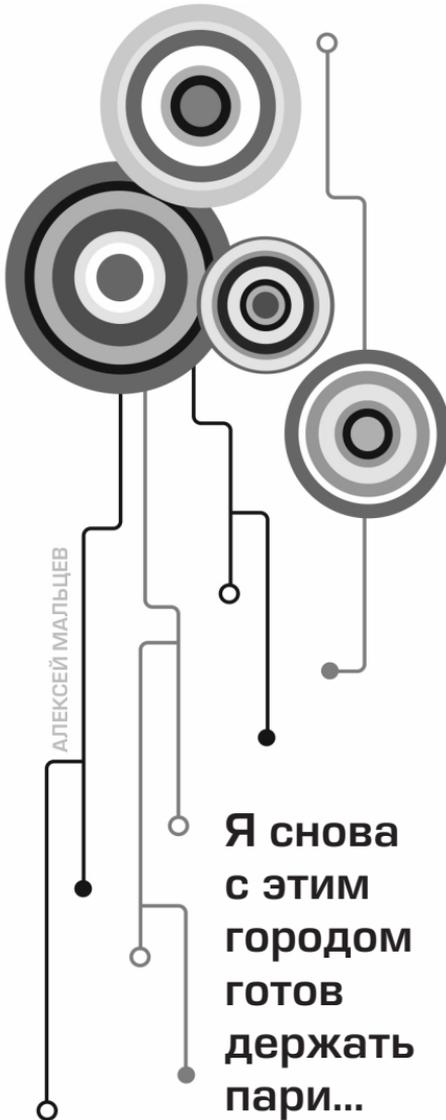
ISBN 978-5-6044740-4-4

9 785604 474044

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© А. В. Мальцев, текст, 2021
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2021
© ПКОО «Пермский писатель», 2021

АЛЕКСЕЙ МАЛЫЦЕВ

**Я снова
с этим
городом
готов
держать
пари...**

Строки о Перми

Я снова с этим городом
 готов держать пари,
что он вот-вот капелью с крыш заплачет...
А город улыбается,
 подсвечен изнутри
лучистыми улыбками пермячек.
Закамск и Мотовилиха,
 Нагорный и Компрос,
и памятник Татищеву из бронзы...
Любой вам скажет в городе,
 кто в нём с рожденья рос, —
над Пермью по-другому светят звёзды!

Как в юности, закружит осень
 листья и дома,
и станет Пермь загадочной, как остров...
И Панночка в который раз
 сведёт Хому с ума
в мистическом театре, что у моста...
Балатово и Парковый,
 Краснова и Висим,
и лёд, плывущий по апрельской Каме...
И пусть не по-московски
 мы поём и говорим,
зато зовёмся с детства пермяками!

Простуженный город

Город простужен, осип,
видеть меня не хочет...
Сонным проспектом такси
еле колёса волочит.

В сумерках не видны
слёзы в глазах светофора,
матовый кварц луны
ночью врачует город.

Градусник телебашни
крепко зажав под мышкой,
мается город кашлем,
насморком и одышкой.

Разгорячённый ветер
этого не замечает...
Может быть, на рассвете
городу полегчает?

Дороги Прикамья

Колдобины, ямы,
 летающие камни...
Подвеску,
 того и гляди, оторвёт...
На триллер похожи
 дороги Прикамья,
не ведаешь,
 что впереди тебя ждёт.
Рискуешь не только машину угробить —
остаться калекою,
 «съехать» с ума...
Дороги Прикамья —
 они как наркотик,
вот только
 спасительных клиник — нема.
Обгон, поворот,
 всё быстрее, быстрее...
Не справился?
 Что ж, отправляйся в кювет!
Дороги Прикамья —
 увы, лотерея,
не каждый получит
 счастливый билет.
Особенно остро,
 особенно резко
ты чувствуешь это весной на Руси...
Как рок,
 как проклятье —
 феномен апрельский,

хоть в Книгу Рекордов
его заноси.
И снова каткам конопатить всё лето
асфальт...
И опять не уложатся в срок...
Неужто придётся заняться поэту
проблемой весенних
прикамских дорог?!

Криминальная осень

Повсюду —
 раскрытые люки колодцев.
И как нам калечиться не надоест?
Едва не споткнувшись,
 скорей уколоться
парнишка торопится в тёмный подъезд.

Беднягу колотит,
 кончаются сроки,
в остриженном черепе плавится мозг...
Ватага молодчиков в джипе «Чероки»
за данью подъехала в ближний киоск.

Поодаль от них,
 как вельбот кверху килем,
сантехник валяется, вдребезги пьян.
Его обогнув,
 словно опытный киллер,
пятнистый котяра ползёт к воробьям.

Хлопки пистолетные ветер доносит:
за городом нынче —
 разборка братвы...
В России гудит криминальная осень,
снимая с берёз отпечатки листвы.

Час пробуждения трамваев

Час пробуждения трамваев...
Сюжет предутренний не нов:
вагоны в сумрак уплывают
нелепым продолженьем снов.

В них дремлют сумочки и кейсы,
с некрепких свешиваясь рук.
Их убаюкивают рельсы
глубокомысленным «тук-тук».

Хозяева вовсю зевают,
свою невыспанность кляня...
Час пробуждения трамваев,
начало городского дня.

Есть города...

Снежки и прятки
в проходном дворе
далёкого заснеженного детства...
Есть города,
которые для сердца —
что оттепель
в морозном декабре.

В них каждый дом в округе —
не чужой,
и взрослые все —
чутьочку добрее...
Есть города,
в которых не стареют
всё повидавшей
беженкой-душой.

Какой нам смысл
мудрей себя казаться
нелепым обстоятельствам назло?
Есть города,
в которых задержаться
однажды нам
чертовски повезло.

Судьбе своей
ни в чём не потакая,
поймём когда-нибудь,
спустя года:

есть города,
к которым привыкают
бродяжим сердцем
раз и навсегда.

Подросток

В наушниках гуляет отрок,
в кармане куртки спрятав плеер.
В ушах неистовствует рокот,
с которым,
 видимо,
 теплее.

Гроза ли громыхает где-то,
сечёт ли ливень по лицу, —
парнишке нужен
 хеви метал,
как воздуха глоток — пловцу.

Воткнул кассету — и почапал,
отгородившись от всего...
И слава Богу,
 мама с папой
ещё живые у него.

Осень на Компресе

Ветер листья гонял
по Компросу,
незаметно под вечер утих...
У меня к тебе были вопросы —
но ответила осень на них.
Как смогла —
откровенно,
по-женски,
расставляя все точки над «і»...
Эта осень в Перми —
как блаженство,
романтичней попробуй найди!

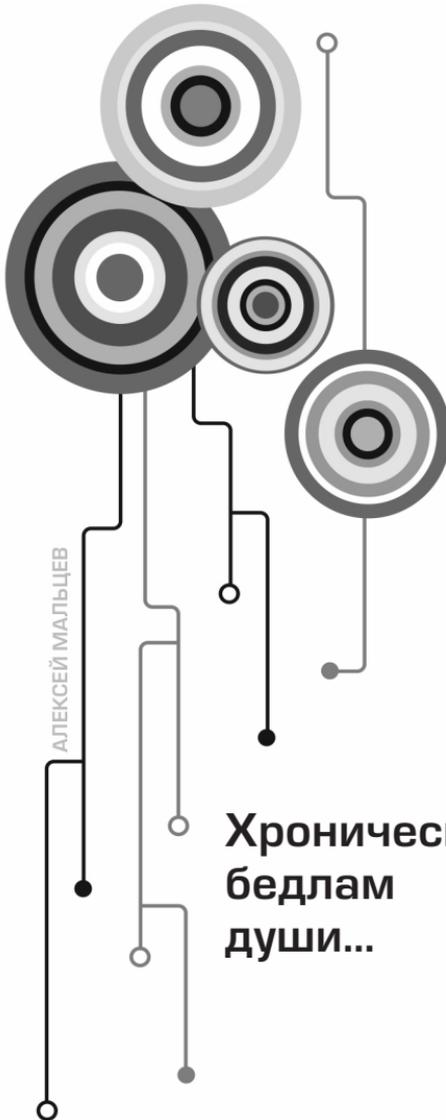
Жить бы, как Пермь...

В городе юности часто трамваи
напоминают мне майских жуков...
Жить бы, как Пермь,
никогда не скрывая
всё сокровенное от пермяков.

В городе юности я замечаю,
как безысходность во взглядах сквозит...
Жить бы, как Пермь, —
понимая, прощая,
и не отчаиваться от обид.

В городе юности на перекрёстках
в полдень становится трудно дышать...
Жить бы, как Пермь, —
бескорыстно и просто,
камня за пазухой не держать.

В городе юности мокрые крыши —
осень решила немного всплакнуть...
Жить бы, как Пермь, —
голос прошлого слышать,
Нить Ариадны к потомкам тянуть!

АЛЕКСЕЙ МАЛЫЦЕВ

**Хронический
бедлам
души...**

Неуверенность в себе

Полусвет и полутени
 в жизни,
 в творчестве,
 в судьбе...
 Я люблю, когда смятенье,
 неуверенность в себе.
 Чтобы утром —
 рябь по Каме,
 небольшой такой сквозняк...
 Пусть в меня швыряет камень
 тот,
 кто думает не так.
 Тот,
 кто думает иначе —
 твёрд,
 как глыба изо льда.
 Я ему его задачу
 не облегчу никогда!
 Я люблю, чтоб постепенно,
 не стремглав,
 не на краю...
 Что мне бас
 и что мне тенор —
 я вполголоса спою!
 Как и все,
 топчу я землю,
 рассудителен вполне.
 Радикальность —
 не приемлю,

однозначность —
 не по мне.
У меня
 своё лекало,
свой маршрут
 и свой свисток.
Я стараюсь вполнакала,
я стремлюсь наискосок.
Между будущим и прошлым
приспособиться успел...
Кстати, камень —
тот,
 что брошен —
вроде
 мимо просвистел.

Епифан с Люцифером

Вся жизнь моя
 поставлена на карту,
не знаю —
 как я в детский сад пойду..
Родители назвали Поликарпом
себе на радость,
 мне же — на беду.

Какая мука —
 ежедневно слушать,
как будто взрывы тысячи петард:
«Посуду за собой помой,
 Карпуша!»
«А зубы ты почистил,
 Поликарп?»

Нет чтоб признаться, мол,
 нехорошо мы
тебя, сынок, назвали,
 ты прости..
И чувствуя в душе опустошённость,
я плакал в детский садик по пути.

Но — был не прав,
 и ошибался, каюсь —
он подошёл и хлопнул по плечу:
— Привет,
 я на Панкрата откликаюсь,

я, как Прокоп,
дружить с тобой хочу.

Знакомься,
за конструктором — Онисим,
а рожу корчит —
это Калистрат.

А может,
мы в лото с тобой зависнем,
как Епифан
или Лука,
мой брат?

Знакомился с ребятами,
не веря —
ну как же так я ошибаться мог?
Одно усвоил,
что, по крайней мере,
я точно здесь не буду одинок.

За столиком со мною — Пелагея,
Феврония —
пирог жуют мясной...
И как на грех —
ни одного Сергея,
Марины, Светы —
тоже ни одной!

Не передать —
какая атмосфера!

Какое счастье —
тусоваться тут!
Я слышал,
послезавтра Люцифера
знакомить
к нам в группу приведут!

Душевный тупик

О чём мы только не горюем!
Куда мы только не спешим!
Личиной спешки маскируем
хронический бедлам души.

Порой смеёмся неуместно,
вся жизнь у нас —
сплошной «час пик».
А если честно...
Если честно, —
в душе у каждого тупик.

В душе шевелится мыслишка —
уйти, уехать
всем назло...
Когда тебе полтинник с лишком,
ломать устои тяжело.

Никто не поднесёт на блюде
план выхода из тупика...
И скоро,
видимо,
сопьются
и те, кто держится пока.

Экспромт

Полнолуние...
 Без четверти десять,
если стрелки,
 конечно,
 не врут.
Умудрился же кто-то повесить
над Прикамьем
 созревший грейпфрут!

И «поехала крыша» у граждан,
словно с горки —
 толпа детворы...
Видно,
 шизик скрывается в каждом,
не высовываясь
 до поры.

Если...

Полночью
 в гулком подъезде
звякнуло,
 словно во сне:
похолодает,
 если
дождь
 превратится
 в снег.
У батареи в колясках
нежился мрак сырой,
поздний трамвай
 пролязгал
нервно
 по мостовой.
Старилась ночь,
 как липа
 тощая во дворе.
Кот серенадил хрипло,
путая
 «соль»
 и «ре».
Билось благою вестью
в мутные стёкла извне:
похолодает,
 если
дождь
 превратится
 в снег.

Последняя строка

Алексею Решетову

Так сердце занует под вечер,
что мысли и строчки —
 вразброд...
Враньё, что поэзия лечит,
скорее — наоборот!

Наивные думают люди,
нам рифмы — как воздух,
 точь-в-точь...
Метафоры нет и не будет,
с другим она в эту ночь!

Дрожит уголёк сигареты,
строфа не сомкнётся никак...
Дожить бы ещё до рассвета —
ведь кончился
 нитромак!

А сердце шалит понемногу,
срываясь с хорей на ямб —
как будто трясётся в дороге,
где множество ям.

Оно по-другому не хочет,
забылось в своей маете...
И россыпь взлохмаченных строчек —
соринками на листе —

последнее, что ты запомнишь,
когда,
обгоняя восход,
знакомая «скорая помощь»
под окнами тормознёт.

И всё, что щемило годами
и прочь уносило покой,
проступит на кардиограмме
последней
строкой.

* * *

Анатолию Гребневу

Как мало, Господи, таких,
кто знает цену хлеба, слова...
Кто вкладывает в каждый стих
всю хрупкость бытия земного.

Кто читит и сердцем, и строкой
печаль забытых колоколен,
простора русского покой...
Кто до сих пор древней болен.

По осени

В деревне,
 как помнится мне,
по осени
 всё это было, —
храпя,
 по разбухшей стерне
летела гнедая кобыла

— Нечистый, видать,
 её сглазил,
а может, от чьей-то руки, —
гадали у коновязи,
затылки скребли мужики.

Рванулась —
 и грива по ветру,
и с прошлым оборвана связь...
По белому-белому свету
слепая кобыла неслась.

Гоголь

Мотив мазурки между спиц увяз.
Кибитка не скрипит —
 визжит по-бабьи.
Извозчик худосочен, долговяз,
привык скитаться
 по российской хляби.

«Занёс Господь неведомо куда!
Неужто вправду, барин,
 заплутали?»
И слышат фразу призрачные дали:
«На этом свете скучно,
 господа!»

С Днём писателя!

На стене висит подкова —
ну и пусть себе висит...
Есть у нас отличный повод,
чтобы выпить, закусить.

День писателей отметить —
тех, кто варится в котле
афоризмов, междометий...
Нынче все навеселе!

Тот — как дятел, на машинке,
этот — тычется в айпад...
Я же ручкой, по старинке,
что ни строчка — невпопад.

Кто-то ниже, кто-то выше,
каждый стоя на своём,
слава Богу, что-то пишем
и как будто издаём.

То рифмуем, то итожим,
то пытаемся спасти...
Все мы разные. И всё же —
все в одной большой горсти.

В сумасшедшем этом веке
не писать — никак нельзя...
С нашим праздником, коллеги!
С Днём писателя, друзья!

Шизофрения

Я — куст смородины,
 вцепившийся корнями
 в подзолистый хребет материка.
 Я в прошлом — человек,
 и между нами,
 как тетива,
 натянута строка.
 Как тетива,
 натянуты сомненья,
 обрывки снов,
 фрагменты жизни той...
 И только
 ветерка прикосновенье
 сегодня нарушает мой покой.
 Я оборвал людскую жизнь,
 как повесть,
 поскольку дальше стало
 невтерпёж...
 И что теперь?
 Дремать в снегу по пояс?
 Ловить листвою морозящий дождь?
 Тебе,
 моя вторая половина,
 (За то,
 что мы не встретились — прости!)
 я разрешаю
 всю твою невинность
 по кабакам
 эффектно растрясти.

Вчера ещё
 мерцающее тускло
груди твоей
 готическое русло
я различил
 на водостоке дня..
Ты собирала ягоды..
 с меня.

Непохожая жизнь

А когда рассвело,
и лоскутные мятые тени,
по кустам расплзаясь,
ещё холодили ступни,
мне подумалось вдруг,
что рассвет не похож на осенний,
и своей непохожестью —
всей моей жизни сродни, —
не устроенной в чём-то,
порой беспросветной настолько,
что с утра, как молитву, твердишь:
«Продержись! Продержись!»
Мне подумалось вдруг,
что вот так, наплывая с востока,
непохожий рассвет
повстречал непохожую жизнь.

Встреча с самим собой

Лохмотья туч
над городом висят,
в садах и скверах —
сумерки гнездятся...
Вы спросите:
«Что снится в пятьдесят?»
Отвечу:
«То же самое, что в двадцать.
Хотя, быть может,
чутьточку яснее
ты видишь то,
что раньше — сквозь туман...»
Недавно повстречал
себя во сне я,
доперестроечного,
на висках — без снега,
и, как ни странно,
не сошёл с ума!

Двойник

То хохоча,
 то негодуя,
вдруг обнаружишь на краю,
что проживаешь жизнь чужую,
воспринимая
 как свою.

Не с теми пьёшь,
 не с тою спишь ты,
себя и бога веселя...
И может,
 дважды или трижды
начать пытаешься с нуля.

А где-то — чувствуешь, такой же —
чужак бежит от суеты,
разрезом глаз и цветом кожи —
один в один
 такой, как ты.

Когда тебе бывает плохо,
возможно,
 хорошо ему,
твой выдох — отраженье вдоха
его...
 Не знаешь, почему?

Быть может,
 солнце там теплее,

Поэты России

Где лодки спят ничком на берегу,
где дышится и думается легче,
Некрасова ли, Пушкина строку
на ухо ветер августа прошепчет.
И может быть, таится что-то в этом, —
заветный смысл, открывшийся немногим..
Мне строчки Заболоцкого и Фета —
как посох на извилистой дороге.
Где зябнет предрассветная река
и сосны прячут шишки в тёмной хвое,
знакомая Есенина строка
заденет ненароком за живое.
И тут же вспоминаются упрямо,
сквозь сердце проходя, за словом слово, —
расстрелянные строчки Мандельштама,
«Звезда полей» и «Горница» Рубцова.

Повод выпить

Вот и март прошёл,
как в воду канул —
в воду,
что летит из-под колёс...
Руки сами тянутся
к стакану,
к родненькой —
прозрачней детских слёз.
Как она искрится
офигенно
в солнечных лучах
погожим днём...
Выпьем-то за что,
аборигены?
Неужели
повод не найдём?

Хочу в семидесятые

Скажу как есть.
Совсем не ради смеха.
Хочу в семидесятые уехать —
на поезде курьерском,
на попутке,
чтоб многое в душе своей распутать.
Хочу туда я «удочки закинуть»,
где Пугачёва пела «Арлекино»,
где Жан Маре
крушил врагов, неистов,
где сериал про четырёх танкистов
с собакой..
Это дело непростое —
наведаться во времена застоя,
чтоб заново вкусить
(жаль только — не с кем)
всю ауру линеек пионерских.
Хочу в семидесятые,
хочу
в эпоху к Леониду Ильичу,
где смотрят из газет
на нас хитро́
Кунаев, Пельше — всё Политбюро.
Ни сотовых там нет,
ни Интернета,
зато в эфире —
ВИА «Самоцветы»
поют про то,
что верба за окном,

что адрес мой —
не улица, не дом...
Спешу туда по зову ностальгии.
Там папа с мамой —
оба молодые,
там живы все мои учителя,
которым пухом матушка земля.
Всё это — не каприз
и не простуда!
Я родом, как и многие, —
оттуда.
И я горжусь историей своею,
и по-другому просто
не умею.

Всё лучшее — в прошлом

Мы день уходящий,
 как булку, раскрошим,
слетевшие голуби мигом склюют...
Всё лучшее — в прошлом,
 всё лучшее — в прошлом:
закаты,
 рассветы,
 душевный уют.

Ты скажешь,
опять
 ностальгия проснулась...
Ты скажешь,
что хватит
 хандрить и стонать...
А нам для того и дарована юность,
чтоб было
 хоть что-то
 потом вспоминать.

Захочется
 там — причесать,
 здесь — подправить...
Причины разлук
 и подробности встреч...
А нам для того
 и дарована память,
чтоб прошлое наше
 от нас уберечь.

Опять на душе
 не по-детски тревожно,
и хочешь не хочешь —
 а надо идти...
Всё лучшее — в прошлом,
 всё лучшее — в прошлом,
и кто его знает —
 что там впереди?!

Свет заблудившейся Хандры

Её величество Хандра
пришла
 ко мне позавчера.
Явилась,
 села на тахте...
Как будто фары в темноте,
зажглись коленки...
 В свете их
я растерялся, я притих.
Она ж,
 как будто вспомнив что-то,
зашелестела, как банкнота,
вечерним платьем в тишине:
— Привет, поэт.
 Иди ко мне!
Где у тебя тут «янь»,
 где «инь»?
Я заблудилась,
 ты прикинь!
Вы, стихоплёты,
 без меня
не проживёте и полдня,
вы рухнете,
 как Древний Рим...
Ну что,
 земеля, похандрим?
Мы с ней хандрили как могли —
ни слов,
 ни чувств не берегли.

На потолок
и на простенок
её ксеноновых коленок
неясный свет
всю ночь метался...
Хандра исчезла,
свет остался.
И виден мне до сей поры
свет
заблудившейся
Хандры.

Звонок из детства

Телефон — проверенное средство,
чтобы скоротать остаток дня,
запиликал:

— Это ваше детство!

Помните, наверное, меня?

Я сейчас в том самом городишке...

В общем, я на родине сейчас.

Здесь по парку бегает мальчишка —
как две капли, он похож на вас...

Связь оборвалась — как в бездну канул
голосок, исполненный тоски...

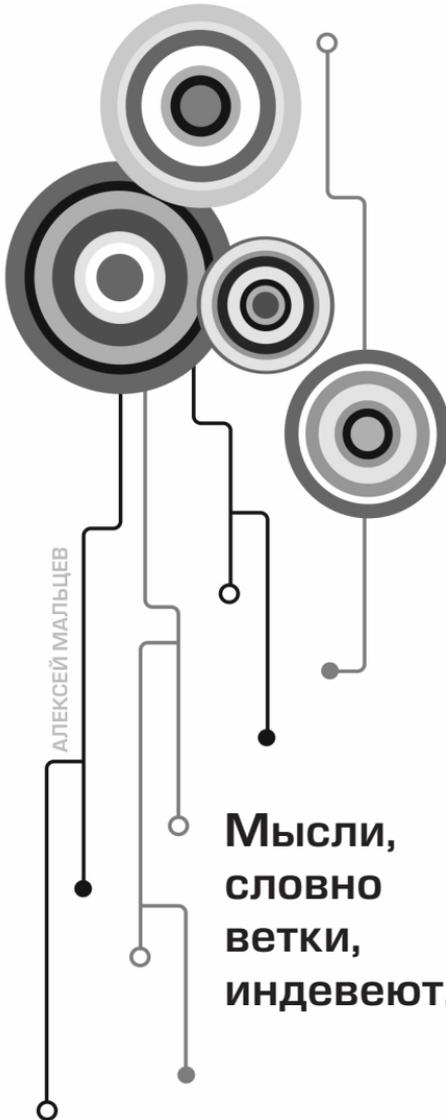
Я стоял в прихожей истуканом,
слушая короткие гудки.

Может, это кто-то по соседству
пошутить решил так надо мной?

Осторожней, люди!

Шутки с детством —

это шутки с вечностью самой!

АЛЕКСЕЙ МАЛЫЦЕВ

**Мысли,
словно
ветки,
индевеют...**

* * *

Леониду Юзефовичу

Не знаю —
до кого мне достучаться,
за ночью ночь
проходит, как в бреду:
то Журавли,
то Карлики мне снятся,
то Зимнею дорогою бреду...

Взгляд мангуста

Мы расстаёмся.

 Всё чертовски грустно,
в словах твоих я чувствую металл...

Ты смотришь взглядом
 злобного мангуста.

Я Киплинга,
 представь себе,
 читал!

Мужчина и спички

Мужчине быть нельзя без спичек,
не только чтоб в пыли дорог,
сломав пяток упругих вичек,
сварганить мигом костерок.

Не о курильщиках пекусь я:
сигара с пивом и лещом,
и трубка в дебрях рыжеусья
здесь ни при чём.

Совсем иная тут причина:
в ночи глухой, в зените дня
должны быть спички у мужчины,
как у НОСИТЕЛЯ ОГНЯ!

Баба Настя

Курицам — зерна пригоршня
у завалинки согретой...
Что ты видела хорошего,
баба Настя, в жизни этой?
За стряпнёй ли, за скотиною —
день за днём, за летом осень...
В девках жизнь казалась длиною
и не двигалась вовсе.
С коромыслом ли, с ухватом ли —
не звала себе на помощь...
А какие парни сватались —
баба Настя, всё ты помнишь!
С вóдочкой грешил твой суженый,
потеряла человека,
и одна садишься ужинать,
одинешенька — полвека.
Дети, внуки — всё осталось
в снах невестиных несбывшихся...
Износились, истрепалась,
как на занавеске вышивка.
Износились, истрепалась...
Да и что бывает горше
одинокства под старость?
Курицам — зерна пригоршня.

Вначале

Падали листья. Я родилась.

М. Цветаева

Что было вначале,
 что было вначале...
Тальянки хмельной
 переливы звучали,
цветными подолами снег вороша,
плясали цыганки
 и пела душа.

Невеста с крыльца —
 в жениховы объятья —
с фатою до пят,
 в крепдешинном платье,
и главные в жизни слова —
 на бегу,
и тени церквей
 на январском снегу.

Что было вначале,
 что было вначале...
Казалось,
 рябины светились ночами,
мерещилось что-то
 во мгле законной,
дрожали лампы,
 блестели иконы.

В том самом
 моём деревенском начале
две юных безгрешных души
 повенчались,
Старуха —
 на ведьму похожа —
 точь-в-точь,
свечу восковую
 затешила в ночь.

В том самом моём
 деревенском начале
на старой берёзе
 вороны кричали,
по птичьей кляня
 непогожий рассвет,
едва я успел
 появиться на свет.

Они до сих пор
 надо мною трепещут,
особенно в сумерках.
 Крик этот вещей
завис над петляющей
 жизнью моей
с тех самых
 зарытых в беспамятстве
 дней.

* * *

Умер человек.

И день, другой —
прежде чем ему в могилу лечь, —
пламя свечки
вьётся над крупой,
нараспев звучит святая речь...

От венков и ленточек

до гроба —
всё учти
и всех оповести,
чтобы не казниться после,
чтобы
всё по-христиански соблюсти.

И другие дни не за горами:

и девятый,
и сороковой...

И глядит,
глядит из чёрной рамы
близкий человек,
ещё живой.

Словно говорит:

«Я вместе с вами!»

Словно умоляет:

«Продержись!»

Между смертью
и похоронами
день, другой,
а кажется — вся жизнь!

Середина жизни

Проснуться за час до рассвета,
лежать, потирая глаза...
Вот ругань рассыпалась где-то,
в ответ ей — визжат тормоза.

Листву, облетевшую в полночь,
заносит предупреденный снег...
А что тебе снилось, ты помнишь,
невыспавшийся человек?

Ты помнишь, как в юности давней
мечтал постигать ремесло,
а нынче на теплом диване
брюзжишь:

«Вдохновенье ушло!»

Куда:

в домино?

в разговоры?

В раскачку прокуренных дней?
За окнами — в сумерках город,
пунктир габаритных огней.

На кухне без четверти восемь:
пьёшь кофе, жуёшь чебурек,
до боли знакомую осень
браня за нечаянный снег.

Рукавички, валенки

К вечеру ударит минус тридцать,
и сгустятся сумерки вокруг...

На морозе скинешь рукавицы,
удивишься —

пар идёт от рук.

Тут же в детство

унесётся память:

ты на санках

с горки,

в снег лицом...

Рукавички,

связанные мамой.

Валенки,

подшитые отцом.

Чебаркуль **(Фрагменты зимних сборов)**

1. Явка с повинной

Край повестки махрится,
дни мои сочтены...
На затравленных лицах —
свет армейской луны.

Растирает комроты
пунцовеющий нос.
Матерщина до рвоты
да крещенский мороз.

Быть служивым несладко
даже в мирные дни.
Минус тридцать в палатке —
растопи-ка, рискни.

2. Кухня

Ужин выдался клёвый:
сала свежего шмат.
Угли каши перловой
пожуёшь — захрустят.

— Ложки в валенки спрятать!
Живо! Все до одной! —
С бакенбардами прапор —
словно батя родной.

3. Атака

Сердце колет в атаке —
окочуриться можно.
Рукавица к гранате
примерзает надёжно.

Мы плетёмся понуро,
ни о чём не жалея...
Взрывом шапку слизнуло
с головы у старлея.

В раскорчёванном небе,
в пелерине густой
светит призрачный Дембель
путеводной звездой.

Разве могло нам присниться?

Первой учительнице, одноклассникам

В семидесятом, в апреле —
Нина Андреевна, помните? —
в такт заоконной капли
кактусы на подоконнике
вздогнут...
И как достучаться к нам
пушкинских строк откровению?
Крепко приколоты к лацканам
звёздочки с крохотным Лениным...

Как мы безбожно лукавили,
помните,
Нина Андреевна?
Как мы по «русскому» плавали,
мямлили так неуверенно...
Мальчики с мыслями вздорными,
девочки —
сплошь балаболки...
Время кофейными зёрнами
бросило нас в кофемолку.

Рукоплескания съездов
слушай, малыш, и не кисни...
Семидесятые.
Детство.
Было ли всё это в жизни?

Времени ботокс незримо
нам ретуширует лица...
Разве предвидеть могли мы?
Разве могло нам присниться?

Дискотека 80-х

Косматый мальчик
 с «Мальборо» во рту
 на танец выбирает:
 Ту... нет, ту...
 Быть может, эту,
 в фирменной джинсе,
 в толпе она —
 как белка в колесе:
 и так, и сяк...
 А глазками — в него...
 И попка вроде тоже ничего.

Вчера, как выстрел,
 «грянул» педсовет.
 Вердикт что оплеуха:
 «Смысла нет
 идти в девятый,
 только в ПТУ,
 на слесаря...»

Быть может, всё же ту,
 с наивно оттопыренной губой,
 где на футболке
 мечется ковбой
 меж двух грудей,
 как будто между скал...
 Уж он бы эти «скалы» приласкал!

Косматый мальчик,
ветренный орёл,
ещё не знает,
что приговорён,
что года через три
его «хочу»
Афганистан
задует, как свечу.

На похороны
на исходе лета
проститься не придут
ни та, ни эта.

Френтовик

Пусто в рукаве френтовика...
На кого тут в старости пенять,
коль на всё про всё — одна рука:
прикурить и правнучку обнять,
волосы пригладить на ветру
и слезу внезапную смахнуть...
А до справедливости ему
видит Бог — никак не дотянуть.

Крик птицы

Не о том ли
 кричала мне птица ночная,
на куски разорвав
 холостяцкий мой сон,
что не знаю я жизнь
 и людей я не знаю,
что ни разу я не был
 смертельно влюблён?!

Ошалело по комнате тёмной
 металась,
умоляя о чём-то,
 за что-то кляня...
Я в поту пробудился,
 и мне показалось,
будто крылья
 растут вместо рук у меня.

* * *

Ветер южный,
ветер встречный
вновь напомнил мне о вечном,
указал на недочёты,
образумил наконец...
Ветер встречный,
ветер южный
так лицо мне «отутюжил»,
все морщины так разгладил —
что хоть завтра под венец!

Песни нашей юности

Памяти Леонида Дербенёва

Песни нашей юности —
как дожди осенние,
нас уносят в прошлое —
к детства берегам...
В жизни свой у каждого
Остров невезения,
как и засыпающий
синий Зурбаган.

Мишки крутят спинами
Землю — там, на полюсе.
Зайцы в полночь лунную
косят и поют...
С нами разговаривал
он негромким голосом,
создавал божественный
для души уют.

Но недолго плаванье,
и, причалив к пристани,
сердце и опомниться
может не успеть...
Между прошлым, будущим —
жизни миг единственный,
за него держаться нам,
жить
любить и петь!

Снимок фортуны

*Милану Кундере,
автору романа
«Невыносимая лёгкость бытия»*

Лёгкость бытия невыносима...
Впрочем,
 как и тяжесть бытия...
Щёлк —
 и у фортуны новый снимок,
и на нём —
 в который раз —
 не я!

Не сосед-пьянчуга,
 не начальник.
Повезло счастливику при всех
эпизодом промелькнуть случайным,
в кадре засветившись...
 Как на грех!

Мысли,
 словно ветки,
 индевеют.
Жизнь ползёт к зиме —
 как ни крути...
Может, надо было
 чуть левее
или чуть размашистей пройти?

Сигануть наискосок по луже
иль, рискуя жизнью, по шоссе...
Чёрт возьми,
ведь я его не хуже!
Почему я должен быть как все?!

Почему опять всё —
мимо, мимо?
И вернуться в прошлое нельзя...
Лёгкость бытия невыносима.
Впрочем,
как и тяжесть бытия.

На ощупь

Кричит наш дух, изнемогает плоть...

Н.Гумилёв

Мы не сошлись с тобой характером,
а телом — словно ключ к замку...
Так Интернет «заводит» хакера,
поэт «впивается» в строку...

До сумасшествия, до дрожи,
ещё не веря в «этот вздор»,
интуитивно кожа с кожей
так строят первый разговор.

Так стебель розы нервно колется,
покуда в вазу не нырнёт...
На ощупь так весь мир знакомится,
и ничего пока — живёт!

Тоннель России

В предчувствии близкой беды
лиственной тополя зашумели...
Состав растворился в тоннеле,
как сахар в стакане воды.

Никто нереальную жуть
всерьёз не воспринял вначале.
Шёл поезд, колёса стучали...
И вот он исчез. Не вернуть.

Горит то закат, то рассвет,
опять беспокойна стихия...
Не ты ли тот поезд, Россия?
Проскочим тоннель или нет?

Плач по девяностым

В чередѣ
 эпитафий с тостами
 вдруг да вспомнятся
 девяностые —
 там, где мрамор
 светился тускло
 над могилами
 новых русских.
 Это надо же —
 всех «уторкать» —
 не на стрелках,
 так на разборках!
 Как всё просто:
 нажал и выстрелил,
 и не стало
 Талькова с Листьевым.

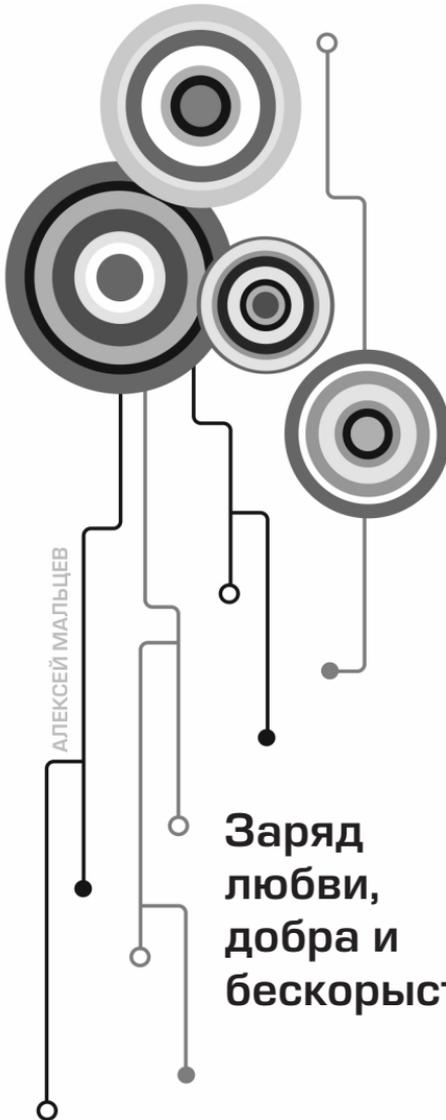
Девяностые,
 девяностые...
 Перестроиться
 так непросто нам,
 расколов,
 как орехи грецкие,
 идеалы свои советские.
 Зря душа
 в прожитое просится,
 дескать,
 ей это всё —
 не по сердцу.

Брешут те,
 в «Новостях» которые —
 есть обратный ход
 у истории!

Мини-рынками,
 словно коростами,
 Русь покрылась вся
 в девяностые,
 где бельём
 торговали
 на совесть
 челноки —
 инженеры, то есть.

А народ —
 поголовно —
 в ауте...
 Ваше слово,
 товарищ ваучер!
 Растолкуй,
 как нам быть,
 хрустящий наш,
 чтоб,
 минуя
 ад настоящего,
 нам в России
 другой
 проснуться,
 чтоб без путчей
 и революций.

Девяностые,
 девяностые...
Фрак истории —
 не по росту нам!
Есть вопросы,
 но нет ответов...
Танки целятся
 в Дом Советов.

АЛЕКСЕЙ МАЛЫЦЕВ

**Заряд
любви,
добра и
бескорыстия...**

* * *

Мелькают дни
 огнями электричек,
ты на перроне топчешься понуро...
И может показаться с непривычки,
что счастье
 с электричкой
 промелькнуло.

И вот однажды
 где-нибудь у ЦУМа,
как из наркоза,
 вынырнув из пробки,
среди плащей,
 мобильников и сумок
 заметишь взгляд —
 растерянный и робкий.

Ещё заметишь небо с облаками,
сосулек бахрому на тонкой ветке...
Загадочные женщины Прикамья,
вы почему
 встречаетесь так редко?

Девочка-весна

Приснится же такое, в самом деле...
Потом всю ночь мне было не до сна:
Как будто на оттаявших качелях
раскачивалась девочка-весна.
И видимо, не холодно ей было,
всё во дворе, казалось, расцвело...
А, может быть, девчонка полюбила
впервые в жизни — чисто и светло?

Я за ночь подходил к окну раз десять —
увидеть чтоб её наверняка.
Под снегом дворик спал, и только месяц,
смеясь, крутил мне пальцем у виска.
Глаза я закрывал — всё повторялось,
как наважденье, тенькала капель.
Раскачиваясь, девочка смеялась,
светило солнце, буйствовал апрель.

Монолог пермячки

Где-то велотреки есть и корты,
нежатся в лазури берега...

Женщина,
которой не до спорта,
вся с утра до вечера в бегах.

Детский сад, работа, магазины...
Ляжет в полночь,
а проснётся — в шесть.

Нет машины, дачи и мужчины,
ипотека и ребёнок — есть.

Женщине приходится вертеться,
брать работу на дом — не впервой.
Чтобы у ребёнка было детство,
несмотря на кризис мировой.

Надо быть выносливой, упёртой
в холод и в жару,
и в дождь, и в снег...

Женщина, которой не до спорта,
марафонский выдержит забег!

Быстрый взгляд,
стремительность походки,
времени, как водится, в обрез...
Если не хватает на колготки,
то какой тут к чёрту лишний вес?!

Сколько их вокруг — лишь оглянитесь,
каждая — в проблемах «от» и «до»...
В утреннем трамвае — чем не фитнес?!
Вечером в троллейбусе — дзюдо!

А душе так хочется комфорта,
чтобы муж, любимая семья...
Женщина, которой не до спорта...
Господи,
неужто это я?

Избы

Деревенька Оверята,
тополя да клёны...
Пацаном я здесь когда-то
бегал несмышлёным.

Из сегодняшнего дня
в детство унести бы...
Может быть,
тогда меня
вспомнят эти избы.

Взгляд окошка из-под кровли
словно просит:
«Слово молви!»
Мол, постой, поговори
ты со мной минутки три.

Тут окошко за забором,
как за тёмными очками.
Знать, недружелюбный норов
и за пазухою — камень.

Спит избёнка,
вся скукожась,
дверь, как рот, раззявив...

Господи,
ну как похожи
на своих хозяев!

* * *

Снова осень горбится стогами,
воет, словно волк,
 в печной трубе...
Красный лист осиновый на камне —
как путеводитель по судьбе.

И дрожит на ветреном закате
пажителей скупая красота...
Нет, ей-богу,
 у меня не хватит
сил покинуть
 отчие места.

* * *

Я в зарослях
рябины черноплодной
могу, друзья,
писать о чём угодно —
о близких людях,
о далёких звёздах...
Я детство вспоминаю
в этих гроздьях!
И хоть её я
не прошу об этом —
рябина помогает мне с сюжетом.
Сюжеты получаются смешные...
А заморозки
как бы
не страшны ей.
Отведав
ледяную терпкость
ягод,
я заряжаюсь
вдохновеньем на год!

Унесло полавки в Мировой океан...

Непогода отменит поход наш едва ли —
всё равно мы на лодках в туман уплывём...

И причалим туда,

где сто лет не бывали,
и костёр у реки не спеша разведём.
Будут искры плясать в уплывающем дыме,
наши песни услышит

поникший бурьян...

Мы когда-то

рыбачили здесь молодыми,
унесло полавки в Мировой океан.

Разучились по-детски мечтать,
удивляться,

не ликуем от радуги над головой...

Мы сегодня другие...

А помните, братцы,
как трепещет сорожка,
взлетев над водой?!

Как колотится сердце твоё с непривычки,
если встретишь на танцах девчонку свою?..
Где теперь этот вздёрнутый нос и косички,
эти губы,

что нежно шептали «люблю»?

Ваенга

Когда-то на фронте
и летом, и в стужу
Русланова пела про валенки,
сегодня военные песни не хуже
звучат в исполнении Ваенги.

Как может певица так снайперски точно,
пронзительно, незабываемо
в сердца попадать
каждой песенной строчкой,
ведь порох не нюхала Ваенга!

Родившись за Северным
кругом полярным,
где спят в океане созвездья,
она и не думала быть популярной —
она лишь мечтала о песнях —

о тех, что в бою
помогали бить фрицев,
и тех, что слышны на завалинке...
Любые мотивы подвластны певице,
певице из Питера — Ваенге.

Захолустье

Как живёшь, глухомань,
 захолустье моё дровяное?
Как сочится рассвет
 сквозь поленниц твоих решето?
Обещал, что вернусь —
 то ли осенью,
 то ли весною...
Оправдания нет,
 и уже не утешит никто.

Я покинул тебя,
 растворясь без остатка когда-то
в перекрёстках, трамваях,
 никчёмной людской толкотне.
Обещал, что вернусь...
 Быть всю жизнь мне теперь виноватым,
оправдания нет,
 и кричу я,
 и плачу во сне.

Я заметил — всё реже
 меня окликают по имени,
и за день суматошный
 порой не пишу ни строки...
Обещал, что вернусь,
 и божился,
 и клялся святынями.
Оправдания нет,
 хоть святой эту ложь нареки.

Ходики

Мимо рекламы халвы, колбасы,
словно какой-нибудь клад,
бабка несёт в мастерскую часы,
в трещинах весь циферблат.
В полночь на Троицу встал механизм,
что-то сломалось внутри...
Бабка на том циферблате всю жизнь
метила сроки и дни.

— Выкинь! — намедни ей внук приказал, —
Ходики, ба, прошлый век...
Бабка платком промокнула глаза
и промолчала в ответ.
Вспомнилось детство: отец на войне,
в доме — шаром покати...
Словно икона на белой стене —
ходики. Стрелки — в пути!

Мать разливала прозрачные щи,
после работы устав...
— Доченька, всё на базар утащи,
ходики только оставь.
Слышишь, как с нами они говорят?
Может быть, просят чего...
Гирька тяжёлая, будто снаряд —
тот, что отца твоего...

Всё утекло. Не во сне — наяву,
в хлопотах и маете.

Думает бабка: «Зачем я живу?
Ходики, эвон, и те...
Вдруг не возьмутся чинить в мастерской?
Снилось не зря вороньё!..»
Тащит с трудом в суматохе людской
прошлое бабка своё.

* * *

Не то чтобы очень,
 не то чтобы слишком,
но в детстве
 мечтал я
 от взрослых тайком
скорей перестать
 быть курносим мальчишкой
и стать настоящим,
 крутым мужиком.
Года пронеслись, и,
 увидев воочию
раздолбанной жизни
 невзрачную суть,
не то чтобы слишком,
 не то чтобы очень,
мечтаю курносое детство
 вернуть.

Пихты на кладбище

Шевеленье могучих крон,
хвойный запах у похорон.
Семя ветром в крестовую падь занесло,
и с тех пор у кладбищенских пихт ремесло, —
всю-то жизнь бабьим крикам,
 как песне, внимать...
Там — разбился отец,
 тут — отмучилась мать,
И всё больше могил на бугре...
То не скрип раздаётся, а стон,
то не сера — слеза на коре.
Хвойный запах у похорон.

В первом классе

В первом классе,
 в первом классе
 Светы,
 Глебы,
 Кости,
 Насти
 произносят хором «Здрасьте!»
 так, что с места не сойти.
 Сколько здесь открытий будет!
 Перессорятся,
 полюбят
 эти маленькие люди,
 эти камушки в горсти...

Неумело держат спинки
 эти Моцарты и Глинки —
 пусть не так,
 как на картинке,
 в старом, не цветном кино...
 Но в мозаике букетов,
 в красках осени и лета
 Кости,
 Насти,
 Глебы,
 Светы —
 неземное полотно!

Болеет мать

Седые прядки на казённом ситце —
как пепел на снегу...
Свистящий шепоток: «Я из больницы,
наверное, сбегу...
Когда душа откупится от тела —
вот благодать...»
И ждёшь обхода так, как ждут расстрела,
чтоб не страдать.

Твоих причуд наивные сюжеты —
в тоннеле свет.
Как трепетно ты, мама, веришь в это,
как в двадцать лет.
А просто всё смешалось воедино:
любовь и страх.
И годы — каплями валокордина
в твоих руках.

Ах, мама, мама... Тощие осины,
больничный парк..
И боль, и нежность — называться сыном.
А жить-то как?

* * *

Осенние строки,
 осенние строки.
В дали морозящей
 теряется след.
Осевший фундамент
 заброшенной стройки,
как символ
 впустую растраченных лет,
глядится из зарослей
 чертополоха:
и время не то,
 и погода не та...
Неужто
 в прошедшем у нас
 всё так плохо,
что даже фундамент
 и тот — сирота?!

Чудо

Зачем ходить
 за чудом далеко?
В сенях
 за занавеску
 загляни-ка,
там ждёт тебя
 в кувшине — молоко
и свежая —
 в корзинке —
 земляника.

Горсть ягод в рот
 и дюжину глотков —
ну чем тебе
 не завтрак королевский?!

Зачем ходить
 за чудом далеко,
когда оно
 в сенях
 за занавеской...

Узамбарская фиалка

Быть может, это был,
а может — небыль...

Росла фиалка
около реки.

И Узамбары
призрачное небо
вдруг опустилось
ей на лепестки.

В глухую бездну
канули столетья,
Добро и Зло
свой продолжают спор...
Но узамбарское
великолепье
сердца людей
волнует до сих пор.

Коллекция улыбок

Тот марки собирает,
этот — рыбок
аквариумных холит и лелеет...
А я храню коллекцию улыбок —
от них в душе становится теплее.

Улыбка мамы — солнышко в окошке,
морщинок нет, и в волосах — заколка...
Вернуться бы в те дни
хоть понарошку,
опять счастливым стать,
пусть ненадолго.

Отец, я помню, улыбался редко.
Ну разве что в кино,
и то едва ли.
И лишь мои хорошие отметки
его улыбку точно вызывали.

Рука в руке — сестрёнку из детсада
веду домой.
Она смеётся звонко.
Я — старший брат,
и выше нет награды,
чем радостью горящие глазёнки.

Открылось мне не мало, и не много —
и блеск ручья,
и дальний свет созвездий —

в улыбке женщины,
мне данной Богом,
с которой мы идём по жизни вместе.

И на руках
тот крохотный комочек,
что, мне казалось, ничего не весит...
Сначала заливался
дни и ночи,
а улыбнулся
только через месяц.

Пусть мир, как прежде,
и жесток, и зыбок,
пусть годы осыпаются, как листья...
Я черпаю в коллекции улыбок
заряд добра, любви
и бескорыстья.

как ни старались
 в четырнадцать
струны трепать,
 объясняясь в любви,
лезть вон из кожи,
 настырничать.

Даже мерцанье далёких огней
воспринимать,
 как везенье...
Хрустнул зубами сосульку,
 а в ней —
привкус
 каникул
 весенних.

Себе на юбилей

Полтинник — кошмарное дело,
последняя начата треть.
Душа примирилась, а тело...
А тело не хочет стареть!

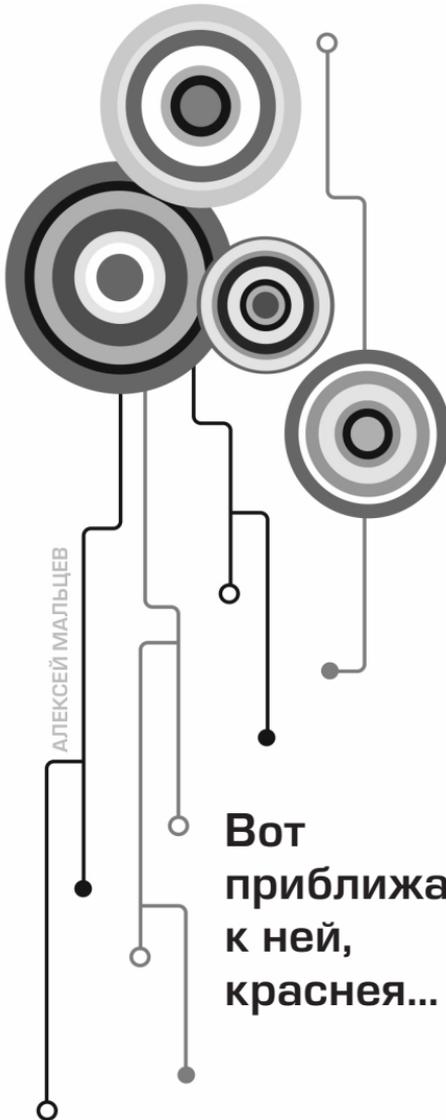
Ему бы под парусом в море,
чтоб пела волна за кормой...
Оно хорохорится, спорит
не с кем-нибудь спорит — со мной!

Оно то и дело мне шепчет:
«Давай! Шевелись! Жми на газ!
Покруче напитки, покрепче!
А скорость — сто семьдесят в час!

Полёты во сне, наяву ли —
не всё ли равно, где упасть?!
И мечутся мысли, как пули,
и в сердце — кипучая страсть!

Не жизнь — настоящая мука,
недолго хватить через край...
Душа помышляет о внуках,
а телу — экстрим подавай!

В соблазнах, в сомнениях весь я.
Мигает судьбы светофор...
И как тут достичь равновесья —
неведомо мне до сих пор!

АЛЕКСЕЙ МАЛЬЦЕВ

**Вот
приближаюсь
к ней,
краснея...**

По траектории дождя

Октябрь... Деревья облетели,
времён подчёркивая связь.
Тропа, как пряжа из кудели,
тянулась, под ноги ложась.

Седой ольховник — первый встречный,
что мог мне предвещать в пути?
И был дождём косым помечен
тот вечер около шести,

как будто плакала природа...
И память сердца бередя,
проскальзывали эпизоды
по траектории дождя.

И снова вдаль неслись куда-то:
слова,
 поступки,
 день за днём, —
вот — ты в кабинке автомата,
вот — я вдвоём с косым дождём.

Ты за стеклом трамвайным мимо
плывёшь сквозь сумерки, а мне
тебя догнать необходимо,
побыть с тобой наедине.

Вот ты на яхте...
 Брызги, скорость,

вдали маячит окоём...
То ты, то я —
 всё порознь, порознь!
И никогда —
 чтоб мы вдвоём.

Дождь разошёлся. Так некстати.
Он, как любовь, необъясним.
Листвы матерчатую скатерть
топтали мы на пару с ним.

Но не растопчешь то, что в сердце,
да и дождём —
 попробуй смой!
Как ни злословь,
 как ни усердствуй, —
ты всё равно во мне, со мной!

Как эти взбалмошные мысли,
времен назойливая связь...
Дождинки падали на листья,
мгновенно
 прошлым
 становясь.

* * *

Снег в стекло пригоршнями,
в оттепель не верится...
Неужели больше мы
никогда не встретимся?

Выходные заняты,
вечно — нервотрёпка...
Остаёшься в памяти
ты по-детски робкой,

остаёшься в платице
ситцевом, простом...
Мы за всё расплатимся
нынче ли,
 потом.

К чёрту обстоятельства,
не поверят люди.
Назови предательством —
так честнее будет.

Назови как хочешь
ветреную полночь.
Мы прощались молча
в спящей роще.
 Помнишь?

Белизна коленей,
поволока глаз...

Пленница и пленник
в прошлом.

А сейчас —

спелят фары встречные,
сон одолевает.

Чувства долговечного
просто не бывает!

* * *

Вот, расстались,
 о любви — ни слова,
на неё наложено табу.
Август шелестел дождём лиловым,
жалуясь
 как будто
 на судьбу.

Как-то отчуждённо и устало
он стучался каплями в стекло...
Что-то нас от ссоры удержало,
что-то —
 в первый раз —
 уберегло.

Вот, расстались...
 Сухо, торопливо,
как считали нужным,
 как смогли.
За окошком мокнущие ивы
ветки опустили до земли.

Будут письма мукой для обоих,
в них проступит чувство между строк...
Вот, расстались,
 так и не усвоив
всепрощенья
 горестный урок.

Сонет-сказка

Взгляни-ка, родная,
 светает...
Вот-вот
 ночь свернётся в клубок,
и снег,
 что в низинах глубок,
на узком крылечке растает.
Мы выйдем под взорами леса
из ветхой избы лесника:
мужик с топором и принцесса,
в руке утонула рука.
О бренном тепле беспокоясь,
в снегу утопая по пояс,
я кинусь в сухой березняк...
Так заяц сигает с опушки,
почувяв пушистой макушкой
далёкую
 свору
 дворняг.

Я просто убит

Лишь растворится за окнами мгла,
в дверь мою стукнешь устало.
Где же ты долгую осень была?
Как мне тебя не хватало!

Ты не сердись на меня, что небрит,
замкнут и выгляжу злоюкой...
Ты понимаешь... я просто убит
долгой
 осенней
 разлукой.

Попытка

А было так:
 осенняя природа
приобретала
 зимние черты...
Душа моя,
 как птица в час отлёта,
наполнилась
 ознобом высоты.

А было так:
 оглохший, невесомый,
я встал на подоконник.
 Вот он, край!
С тобой поговорили обо всём мы,
и больше не увидимся.
 Прощай!
С восьмого этажа
 звездой падучей
сорвусь, как с вышки я
вниз головой...
И это будет...
 это будет лучше,
чем видеть в классе
 снова профиль твой.

А было так:
 смертельно оробевший,
дрожал я
 дрожью стынущей листвы...

А ты внизу
аллеей облетевшей
брела,
не поднимая головы.

Точка над «і»

Ты придёшь и уйдёшь, как пришла и ушла
эта ночь...

Боли в сердце — не в счёт.
И мосты за собой ты спалишь не дотла, —
чтоб вернуться по ним через год.

Год спустя за окном те же сумерки ждут
нашей ссоры,

привычной почти...
Половинчатость фраз,
бесконечность минут,
ощущенье без-

вы-
ход-
нос-
ти.

Ощущенье —
как будто уносишься прочь
и обратно не будет пути,
ощущенье,
что точка над «і» в эту ночь
не поставлена,
как ни крути.

Умытая дождём

Дождь недолго клёны мучил —
в полдвенадцатого сник.
Город крыши
спрятал в тучи,
точно в мокрый воротник.

Кашлял гром по-стариковски
где-то очень далеко,
в однокомнатной «хрущёвке»
кто-то пел про Сулико.

Задушевно,
под гитару
пел про девушку мечты..
По сырому тротуару
шла
ко мне навстречу
ты.

Утрата? Потеря?

Как тебя называть мне —
 утрата?, потеря?
Может, ангел так шутит,
 а может, и бес...
Нам обоим не важно —
 кто ссору затеял,
кто её подхватил
 и раздул до небес.
Без дешевых нотаций
 и долгих прелюдий
объясните мне,
 чтобы осело в душе:
почему так бывает —
 вдруг ссорятся люди,
и никто помирить
 их не в силах уже.
Кто бы вырвал меня
 из когтей паранойи...
У тебя получалось,
 как будто ты врач.
Без тебя моё сердце
 сначала заноеет,
а потом,
 кувыркнувшись,
 уносится вскачь.
Иногда, словно лодка,
 грустит на приколе...

Я сейчас одинок,
неприкаян,
ничей..
Кто бы вырвал меня
из когтей алкоголя!
У тебя получалось —
без всяких врачей.

Напутствие

Тот день от нас
был отгорожен
невыносимой тоской,
листвой,
слетающей к подножью
дремучей вышки городской.

Он промелькнуть пытался мимо
твоих распущенных волос...
И вдруг —
skonфуженно, но мило —
ему представиться пришлось.

Едва затеплилось знакомство,
и он поведал о себе:
как привалило счастье —
днём стать
в вальсирующем
сентябре, —

как вдруг
дождя косая ретушь,
по парапету семени,
свела на нет попытку эту.
И он исчез.
Не стало дня.

С тех пор
осталось нам с тобою —

прошитое дождём насквозь —
пульсирующее в обоих
напутствие:
— Не спите врозь...

В забытой заводи

Всё в этой жизни потеряло значимость,
Не радует привычность суеты...
Чужими взглядами боюсь запачкаться
С тех пор, как в осень ускользнула
ТЫ.

Что потерял в аллее между клёнов я,
Где листья осыпаются гурьбой?
Где, словно листья, — мысли, окрылённые
Немыслимую встречу
с ТОБОЙ.

Уплыть бы от себя — куда глаза глядят,
Не чувствуя, не веря, не любя...
И отыскать в забытой всеми заводи
Надежды потерявшую
ТЕБЯ.

Воспоминание о пшённой каше

Опять меня разбудит запах сена,
и вспыхнет ярко звёздочка в ночи...
А что случилось полночью осенней —
история об этом умолчит.
Варила кашу, что-то говорила,
а чем приворожила — не пойму...
А то, что после каши с нами было —
про это знать не надо никому.

Пришлось мне подружиться с комарами,
в жару метать стога, не чуя рук...
А чем мы занимались вечерами —
про то одни догадки у старух.
Всё, как в романах, кончилось внезапно.
Я клялся, я божился, что вернусь...
И до сих пор мне снится сена запах
и пшённой каши подгоревшей вкус.

Сюжет

Ткань сумерек,
 волоса тоньше,
едва занавесила свет.
По тропке прошла почтальонша
с охапкой вчерашних газет.
В косынке из пёстрого ситца,
в потёртом армейском ремне...
Едва ли ей было за тридцать
в ту осень,
 как помнится мне.
А я — вертопрах, пустомеля,
студент — без ветрил, без руля,
всю осень бродил,
 как с похмелья,
в душе её боготворя.
Повсюду —
 как хвост за лисою,
чужих не стесняясь ушей,
я честно признался в лицо ей
во всём,
 что кипело в душе.
И — сплетня неслась вдоль деревни,
вдоль сыростью пахнущих лип:
— Смотрите,
 студент,
 как репейник,
с утра к почтальонке прилип!
И слышали листья на вербе,
как стыли слова под дождём:

— Ты только поверь мне,
поверь мне,
мы будем до смерти вдвоём.
А было ли всё?

И со мной ли?
Неужто я впрямь был таков:
хвастлив,
неотёсан,
назойлив,
что гоголевский Хлестаков?
Увы, тем не менее, снится
мне каждую осень сюжет,
где сумерки,
словно ресницы,
едва занавесили свет.

Платье в горошек

Почти не осталось погожих
на нашем веку вечеров...
Надень своё платье в горошек,
пройдёмся вдоль ближних дворов.

В обнимку пройдемся вдоль сплетен,
под ровный старушечий треп...
Туда, где качает соцветьем
садовый философ — укроп,

где нам травяного уюта
хватало... Прости нас, Господь,
за те роковые минуты,
когда верховодила плоть.

И ты, полуночная птаха,
прости за вторжение двоих,
за то, что, не ведая страха,
мы жили в пенатах твоих.

Всё в прошлом, за дымкой, и всё же
вернуться в те дни я готов.
Надень своё платье в горошек,
пройдёмся вдоль ближних дворов.

Я слабости твои боготворю...

— Ну что ты с ней,
как с маленькой, ей-богу?
Расстанься,
сразу легче станет, друг!
Зачем ты выбрал эту недотрогу?
Нормальных, что ли,
не было вокруг? —

Я слышу постоянно эти речи.
Друзья, коллеги —
все, кому не лень —
с той самой нашей,
самой первой встречи
мне действуют на нервы
каждый день.

А я уверен — всё преодолею,
и слабости твои боготворю..
Я справлюсь,
я смогу,
я всё сумею!
«Капризничай!» — тебе я говорю.

У входа в оттепель...

Опять помешан
на весне я,
у входа в оттепель стою...
Сверяя поминутно с нею
любовь внезапную
свою.
Как в юности
девятиклассник,
за одноклассницей
с тоской
слежу...
Будь проклят женский праздник,
не женский, кстати,
а мужской!
Его так ждёшь...
И эти миги
тебя нервируют слегка...
Дышать мешают,
как вериги,
хоть лёгкие,
как облака.
Вот приближаюсь к ней,
краснея,
и под собой не чуя ног...
Всё — как в тумане,
как во сне я,
и только мысль шальная —
«Смог!
Сумел!»

А там — как ляжет карта...
Ах, как
на сердце горячо!
И первая декада марта
неотфлажкована ещё.

Дорожная философская

У любви свои законы,
что ж ты хочешь — се ля ви!
Этот сумрак законный —
как признание в любви.
Помню я волос касанье,
в пятки прячется душа...
Поезд мчит по расписанию,
нет на водку ни гроша.

У любви свои раздумья,
как ты их ни маскируй.
Говорила, что колдунья?
Счастье в жизни наколдуй!
Может быть, я им сумею
поделиться с кем вокруг...
Поезд мчит по направленью
«Симферополь — Петербург».

У любви свои идеи:
ты — женатый, холостой, —
поутру проснёшься: где я —
в этой жизни или в той?
Мне бы пива ледяного,
мне бы с ветром на таран...
Поезд мчит без остановок.
Где тут, граждане, стоп-кран?

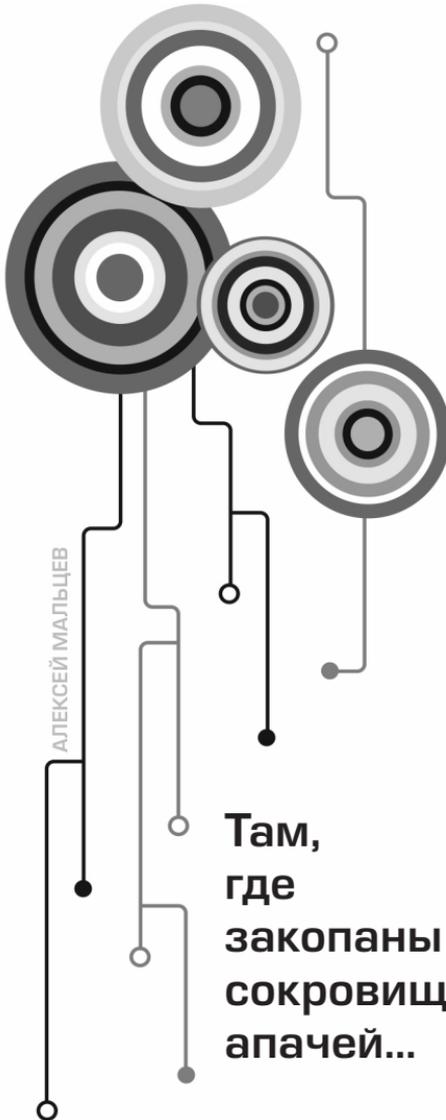
У любви свои сомненья,
как диагноз у врача...

Не хватает вдохновенья,
чтобы рубануть с плеча...
Чтобы не было вопросов
в исковерканной судьбе...
Поезд мчит, стучат колеса,
проводница так себе.

Васильковые сны

А твои васильковые сны
для меня были припасены,
в них бесчинствовал
 пасечник-ветер,
в них о чём-то шепталась трава,
колдовские подслушав слова
ненароком на зябком рассвете.

Где ж тогда я, безумец, витал?
И, признаться, совсем не мечтал
о непрочных девичьих оковах...
Отчего ж так жестоко сейчас
я казню себя в тысячный раз
зыбкой памятью
 снов васильковых?!

АЛЕКСЕЙ МАЛЫЦЕВ

**Там,
где
закопаны
сокровища
апачей...**

Наказание для родителей

Я изучал рисунок на обоях,
пока могли смотреть мои глаза.
Я этот угол заслонял собою
ни много и ни мало — полчаса!
Наказывать детей довольно глупо.
Подумаешь, кастрюлей из-под супа
я в стенку забивал торчащий гвоздь!
Когда вселилась в маму эта злость?

Подумаешь, потоп устроил в ванной, —
но я же воду сам потом затёр!
Подумаешь, на стареньком диване
разбил палатку и развёл костер!
Быть может, я романтик по натуре,
устроил фейерверк на физкультуре.
Училка выражалась как могла...
Но это же не повод для угла!

В сетях ещё такого не писали,
а я придумал слоган всех времён:
«Родители! Вставайте в угол сами,
не встанете — я вызову ОМОН!»
Вы времечко счастливое забыли,
когда и сами маленькими были —
творили всё, что в голову взбредёт.
А с нами почему наоборот?

* * *

Далёкого детства забытый сюжет
нахлынет

мотивами родины...

Там блинчики с мёдом,

небесная гжель,

любимый кисель из смородины.

Каштановый берег,

следы на песке —

шли мальчик и девочка рядом...

И солнце —

на нитке ли,

на волоске —

на рыженьком,

на кучерявом.

Песочница

Совок, ведёрко, формочка,
в песке по локоты Томочка...
Фантазия у повара,
как тесто — через край.
На ветке фартук сушится —
постиран в ближней лужице.
Ох, будет дома Томочке
от мамы нагоняй!

В песочнице, в песочнице
кто стряпает, кто топчется.
А не было песочницы —
и во дворе тоска...
Вареники творожные,
воздушные пирожные,
а кто-то строит будущее —
город из песка.

Везёт КамАЗ игрушечный,
в тот город груз нешуточный,
а не успеет вовремя —
строительство замрёт.
Спешит шофёр, старается —
а вдруг с рулём не справится?
А вдруг в кастрюлю к Томочке
случайно попадёт?!

Рыбаки

Кто не любит жареную рыбу,
если сверху зелень покрошить?
Рыбакам — огромное спасибо,
только ведь и я не лыком шит!
Накопать червей могу не глядя,
в шесть утра, как водится, подъём...
С удочками в лодке, как в засаде,
с папой мы качаемся вдвоём.

Мы к обеду только и успели —
«нарыбачить» окуня по три...
С берега следят за нами ели —
наше неподкупное жюри.
Но, как говорят, ещё не вечер...
Вот я пересяду на корму —
папочке ответить будет нечем,
главный приз я всё-таки возьму.

У папы выходной

В окошке ветка тополя маячит,
«собачий вальс» играют за стеной...
У папы выходной, а это значит,
весь день сегодня будет он со мной.
На кухне закипает кофеварка,
мой «бизнес-план» созрел давным-давно:
сначала мы «зависнем» в аквапарке,
потом — аттракционы и кино.

Сегодня наедемся мы попкорна,
без сладкой ваты тоже не прожить.
Бумажник папа свой раскрыл покорно,
в затылке почесал: «Должно хватить!»
А я уверен: справимся с задачей,
рассчитываю только на успех...
У папы выходной, а это значит —
мой папа, несомненно, лучше всех!

Выходим из подъезда ровно в десять,
с балкона мама долго смотрит вслед...
Я этот выходной ждал целый месяц,
а может, не один десяток лет!
Поэтому улыбку я не прячу,
и без умолку мне болтать не лень...
У папы выходной, а это значит,
сегодня самый мой счастливый день!

Вундеркинд

Прыг да скок — запрыгал мячик
у соседей наверху.
Я как раз решал задачу,
и ответ писал в строку.
В тот же миг забыл я, сколько
на полях машин с зерном...
Я от этих прыг-да-скоков
чуть не тронулся умом!

За окном сирена воеет,
пять минут уже орёт...
Теорему мне усвоить
Пифагора не даёт.
А потом влетает муха,
замирает на тахте...
В общем, тут с учёбой глухо,
в общем, знания не те!

После мухи друг Серёга
на мобильник звякнул мне,
поболтали мы немного
в первозданной тишине.
Только трубка замолчала,
как раздался в дверь звонок...
Нет, как это ни печально,
мне не выучить урок.

Записка

Я жил как все.
Девчонок даже близко —
не знаю почему —
не подпускал.
А тут, представьте —
мятая записка,
и я свихнулся, кажется,
пропал!

В подъезде я нашел её,
короче,
невинно так лежала на трубе...
А в ней три слова
выстроились в строчку:
«Блондинка»,
«Света»
и «9-й Б».

Я выбросил сначала
те три слова,
потом нашёл —
задуматься пришлось:
а если это Светка Кораблёва?
Всё совпадало,
даже цвет волос!

Какое там!
Я, кажется, за партой
с таинственной блондинкой той сидел...

Не знаю почему —
мне стало жарко,
не знаю почему —
я вдруг вспотел!

Соседку я всегда считал тупицей —
она сменить сим-карту не могла
в мобильнике своём...
А тут — присниться
осмелилась мне ночью!
Во дела!

Смеются пацаны:
— Упал ты низко,
за нею сумку носишь,
как дурак!..
А я пытаюсь автора записки
всё вычислить,
да только вот никак...

Ну а сегодня Светка вдруг сказала...
Наверно,
так взрывается тротил...
— Сама я ту записку написала,
чтоб ты, чурбан,
вниманье обратил!

Кто украл снеговика?

Я поужинал, оделся,
по ступенькам топ-топ-топ...
Во дворе я огляделся...
Снеговик! Куда он делся?
Я от шока сел в сугроб.

Из соседнего подъезда
вышел с санками Толян.
— Я запомнил это место,
здесь из снега, как из теста,
мы вчера его тяп-ляп...

— Да уж, слеплен был на совесть! —
с клюшкой наперевес
вышел Макс. — Я беспокоюсь...
Он растаять мог по пояс,
он не мог растаять весь!

— Может, он ушёл куда-то
поздно вечером вчера?
— Может, это шутка чья-то,
увели его ребята
из соседнего двора?

Мы судили, мы рядили,
мы устроили бедлам...
Мы его искать ходили,
даже на автомобиле
разъезжали по дворам.

Дед Силантий нас послушал,
и поведал ни за грош:
— Пьяница тут бил баклуши,
он снеговика разрушил.
Пьяный — что с него возьмёшь?..

Пылесос

Много пыли?
Не вопрос!
Есть в кладовке пылесос,
только уши затыкайте —
пылесос громкоголос!

Я нисколечко не вру —
ездит щётка по ковру.
Мне такие вот «поездки»,
видит бог —
не по нутру!

Наподобие метлы
тычется во все углы,
что неделю там лежало —
достаёт «из-под полы»!

Всё, что можно и нельзя,
пылесос всосал в себя.
Винтик,
фантик,
витаминку...
Мы теперь с ним не друзья!

Странный день

День сегодня очень странный,
начался он с каши манной.
Вслед за нею бутерброд
сам как будто прыгнул в рот.
С аппетитом пью какао —
вот чего мне не хватало!
Встал, «спасибо» говорю —
сам себя не узнаю.
Улыбнулась мама: «Это —
хорошо сошлись планеты...»
Папа пишет в свой блокнот:
«Сам оделся... Анекдот!»
В детский сад шагаю бодро:
«Как живёшь, любимый город?»
Улыбаться мне не лень...
Говорю же, странный день!

Непройденная тема

Решил я во время урока
взглянуть на пейзаж законный.
На ветке качалась сорока,
мужчина скучал на балконе.

Совсем ещё кроха, младенец
проснулся у мамы в коляске...
Я знал: никуда я не денусь,
но в мыслях решил прогуляться.

Рабочие мебель таскали
из фуры к соседнему дому...
Знакомая жизнь городская,
но в ней было всё по-другому.

Листва шелестела иначе,
летела, меня не касаясь.
И день по-другому был начат,
хотя всё обычным казалось.

Я прожил мгновения эти
в какой-то непройденной теме...
А в классе никто не заметил,
как я отлучился на время.

Детектив

Нелегко быть с мамой в ссоре,
видеть хмурое лицо.
Написал я на заборе
неприличное словцо.

Всё свалить хотел на Веньку —
он подкалывал меня...
Но раскрылось преступленье,
как вьюнок в начале дня.

Видел Венька, чёрт глазастый,
как я с кисточкой стою.
Всё заснял, как папарацци,
он на камеру свою.

И теперь он — в шоколаде,
я — увы, наоборот...
Как мы с мамою поладим?
Даже оторопь берёт!

Кажется, подвёл я маму,
учудил так учудил...
Вырыл я другому яму,
сам в неё и угодил.

Первоклассник

У меня сегодня праздник!
Понимаете, друзья,
я сегодня — первоклассник,
мне опаздывать нельзя!
Я спешу с букетом в школу,
ждёт меня просторный класс...
А проказничать и шкодить —
не сегодня,
не сейчас!

Я разочарован

Так долго я ещё не одевался —
вот здесь подгладить,
здесь бы причесать.
Случалось — перед зеркалом кривлялся
минуту, две...
Но чтобы полчаса!

Родители, вы сговорились, что ли:
Замри!
Не шевелись!

Ты не готов!
Представьте только —
подхожу я к школе,
а мне навстречу — хохот пацанов..

В костюме вашем даже не сыграешь
в футбол, в «картошку» —
да во всё, что хошь...
Его потом никак не отстираешь,
да что там отстираешь —
не зашьёшь!

Как пугало, бреду в прикиде новом,
родителей ругая про себя...
Я не на шутку в них разочарован
а впрочем,
как и в первом сентября!

Домовой

В коридоре кто-то дверью
скрипнул раз, потом другой...
Я, конечно же, не верю
в то, что это домовой...
В то, что он уселся на пол,
что-то шепчет, как в бреду...
Я не верю, но без папы
в коридор я не пойду!

Копилка

Сестра сказала: «Не жалея,
бросай в копилку пять рублей!»
Я в прорезь опустил пятак,
ответила копилка: «Звяк».
Я стал трясти — а толку нет,
одно лишь звяканье в ответ.
Обида хлещет через край:
«Копилка, деньги возвращай!»

Тайник

Сегодня я наказан,
skonфyзился, поник...
Родители раскрыли
под ванной мой тайник.
Я тот брелок с ключами
на тумбочке нашел...
Вот только не подумал,
что красть нехорошо.

Мухоморы

Вот умора так умора:
на полянке, стоя в ряд,
возмущались мухоморы —
почему их не едят?!
И в корзинку попадают
почему-то всё не те...
Ничего не понимают
эти люди в красоте!

Что это было?

Что такое это было —
ночью Костю разбудило...
Может быть, вставать пора?
То ли Завтра наступило?
То ли кончилось Вчера?

Пора взрослеть

Ветер листвою тополиной
не устает шелестеть.
Мне уже семь с половиной,
как-то бы надо взрослеть.
— Стоит ли так торопиться? —
мама заметит шутя. —
Нашему папе за тридцать,
он до сих пор как дитя.

Вот и кончается осень,
люди надели пальто.
Мне в декабре будет восемь.
Папа вздохнёт:
— Ну и что?
Тоже мне, юный философ...
Зубы почистил — и спать!
Мама лишь кажется взрослой,
ей бы всё в куклы играть.

Зануда и задира

Кто главный во дворе у нас
зануда и задира?
Любой вам скажет:
это Стас
из сто второй квартиры.

На днях спросил меня при всех
наш самый главный спорщик:
— За раз лимонов сколько
съешь?
Но только, чур —
не морщась!

Я взял и брякнул, идиот,
как будто речь — о сыре:
— Ну, штуки три-четыре,
а дальше...
дальше — как пойдёт!

А дальше всё пошло вразнос:
поспорили на чипсы.
Пакет лимонов Стас принёс —
тяжёлых,
как из гипса.

Весь двор приплёлся посмотреть
на эту нашу шалость...
Я был спокоен лишь на треть,
две трети —

волновалось.
До этого я ел лимон
лишь с сахаром и чаем.
Не зная,
что без чая он
на вкус — необычаен.

Не помню —
как я пожирал
проклятый цитрус этот...
Сейчас мне снится кожура,
но с привкусом таблеток.

Да мало ли
чего в ночи
ещё мне будет сниться!
Я аллергию получил
и угодил в больницу.

Родители поверглись в шок
от новости про сына...
А нынче Стас ко мне пришёл
с пакетом...
апельсинов.

— Я не могу их есть сейчас...
— А я могу и буду!
Такой уж парень,
этот Стас,
задира и зануда.

Дружнее семьи не найти

Мы с мамой подружки,
а с папой — друзья.
Мне ссориться с ними
нисколько нельзя!

Порвутся колготки —
а кто их зашьёт?
Кто вечером в садик
за мною придёт?

И если вдруг я
поскользнусь, упаду —
кто эту со мною
разделит беду?

Да мало ли что...
Провинюсь — кто простит?
При этом — конфетой
меня угостит...

Кто купит
обещанный велосипед?
Кто любит меня
уже пять с лишним лет!

И с кем мне спокойно,
и с кем мне легко,
кто может поднять
высоко-высоко,

чтоб я увидела
людей и дома?
Ведь я не умею
всё это сама...

Куда я без них?
А они без меня?
Да мы друг без друга
не сможем и дня

прожить.
И поэтому, как ни крути,
дружнее семьи
вам нигде не найти!

Чем бы прославиться?

Купили брату пианино,
он учит гаммы день-деньской.
Я, проходя случайно мимо,
гляжу на братика с тоской.

Могли бы с ним пойти во двор мы,
побыть нормальными детьми...
Он вместо этого аккорды
разучивает: «до», «ре», «ми»...

Коньки и клюшку он забросил,
зовут напрасно пацаны...
— Вставай, наш маленький Чайковский,
Вставай, надежда всей страны! —

Его так будит мама утром.
Я слышу это как во сне...
Конечно, быть Чайковским круто,
но кем прикажете быть мне?

И всё настойчивей соседи
кричат нам из-за тонких стен:
— Когда ж от нас ты переедешь,
наш недоделанный Шопен?

В его глазах читаю зависть,
когда иду один гулять.
— Пока, Бетховен! — издеваюсь. —
Чтоб ноты выучил на «пять»,

вернусь — проверю!..
Мама с папой
меня услышали тогда.
— Тебе гордиться надо братом,
а ты что делаешь, балда?

Слова их, словно душ холодный,
меня накрыли с головой:
— Запомни,
быть, как все — не модно,
а модно быть самим собой!

С тех пор не естся мне,
не пьётся,
брожу, с собой наедине..
Ну, брат, понятно,
будет Моцарт.
А чем прославиться бы мне?

Зарядка для мобильного

У папы в мобильнике
кто-то живёт —
кино ему крутит
и песни поёт.
И этот,
в мобильнике,
вредный такой —
следит, чтоб «зарядка»
была
под рукой.

У папы нет времени,
папа сердит:
то фильм интересный,
то кто-то звонит.
И я с каждым днём
понимал всё ясней:
всё дело в зарядке,
зло кроется в ней!

В моей голове
проступало одно:
не будет зарядки —
не будет кино.
Я спрятал зарядку,
я думал, что мы
пойдём с ним
на Проводы
русской зимы.

Однако не вышло...
Зарядка нашлась,
и папа решил
показать свою власть.
В углу я стою...
Ничего,
в другой раз
я эту зарядку спущу в унитаз!

Белый и пушистый

В детском садике, друзья,
белый и пушистый я.
Дома — даже не пытайтесь —
не узнаете меня.

Кувыркаюсь, хохочу,
всё, что есть — кручу, верчу.
Полотенца, занавески,
даже тюль мне по плечу!

В угол встать — один момент!
Вмиг исчерпан инцидент.
У меня в углу — прописка,
показать вам документ?

Только выйду из угла —
ждут насущные дела.
Завожусь с пол-оборота,
настоящая юла!

В детском садике опять
я веду себя на «пять»...
Между прочим, умудряюсь
и в носу не ковырять!

— Как воспитан! Эрудит!
Не буйнит, не грубит, —
воспитательница маме
каждый вечер говорит.

С мамой вечером вдвоём
мы из садика идём.
Впереди я вижу лужу
под лиловым фонарём...

Встал я против ветерка,
кулаки воткнул в бока.
Как мне быть: уже я дома,
или в садике пока?

Понедельник

Не люблю я понедельник —
в нём живёшь
как идиот.
Я бы этот день недели
поменял на пять суббот.

Вот суббота —
это дело!
Впечатлений —
через край,
отдыхай душой и телом —
только есть
не забывай!

Веселись с утра до ночи,
за режимом не следи,
бегай, прыгай
сколько хочешь —
воскресенье впереди.

Сколько бы людей хотели
на планете нашей всей
понедельник из недели
взять
и вытолкать вшаей!

Чтоб понежиться в постели
пару часиков с утра...

— Просыпаешься,
 бездельник?
Не забыл,
 что понедельник?
В школу разве не пора?!

Безвкусица

Ну что за вкус у этих взрослых,
одна безвкусица, увы...

Солянка,
 макароны,
 ростбиф, —
ни шоколада,
 ни халвы.

Так думал сын,
 сядась обедать.
Мать колдовала у плиты.
«Я летом к бабушке уеду —
вот где не жизнь —
 одни мечты?

С утра —
 оладьи со сметаной,
весь день —
 крыжовник ешь с куста...
А если вдруг с куста устанешь —
 то и другие есть места.

А здесь —
 перловка, антрекоты,
и на десерт —
 песочный корж..
Я что, похож на бегемота?
Я что, на мамонта похож?»

— Сынок, —
внезапно прозвучало, —
ты просто вылитый Кощей...
Давай осилим для начала
тарелочку горячих щей!

Сынок взглянул на щи,
и сник весь,
совсем утратив интерес:
— Вот если б вместо щей
был «Сникерс»
или хотя бы «Эм энд эмс»!

— Тебе бы только шоколадки
одни три раза в день жевать!
А в жизни всё
не очень сладко, —
заметила сурово мать. —
И в жизни всё совсем не просто
нам достаётся,
ты учти...

Ну что за вкус у этих взрослых!
Безвкусица,
как ни крути!

На тропе войны

Перемахнув через забор,
нырнуть, как в пруд,
 в соседский двор,
и не споткнуться на углу,
 у конуры собачьей.
Потом — тропинкой через лес...
Мох, паутина, —
 где-то здесь
Закопаны сокровища апачей.

Живот и грудь обнажены
иначе на тропе войны
не может быть,
 понятная причина.
Пучок травы поверх волос,
углём «припудрен» лоб и нос,
и лук со стрелами,
 и ножик перочинный.

Кончай трепаться, Рыжий Пёс!
Ведь сам вчера едва унёс
свой скальп рябой
 от банды бледнолицых...
А то стервятники как раз
выклёвывали бы сейчас
твои
навек потухшие
 глазницы!

Копай шустрее, Чингачгук!
Забыл, наверно, что вокрут
лишь прерия,
 голодные койоты..
Но ветром принесённый крик
заставит прикусить язык:
зовут родители,
 уже пришли с работы.

— Кончай раскопки, пацаны!
Летит в траву топор войны,
до завтрашнего дня
 он нам не нужен.

А мы:

 кто — к маме,
 кто — к отцу,
по кочкам,
 ветки — по лицу.
И ждёт нас впереди горячий ужин.

Детство

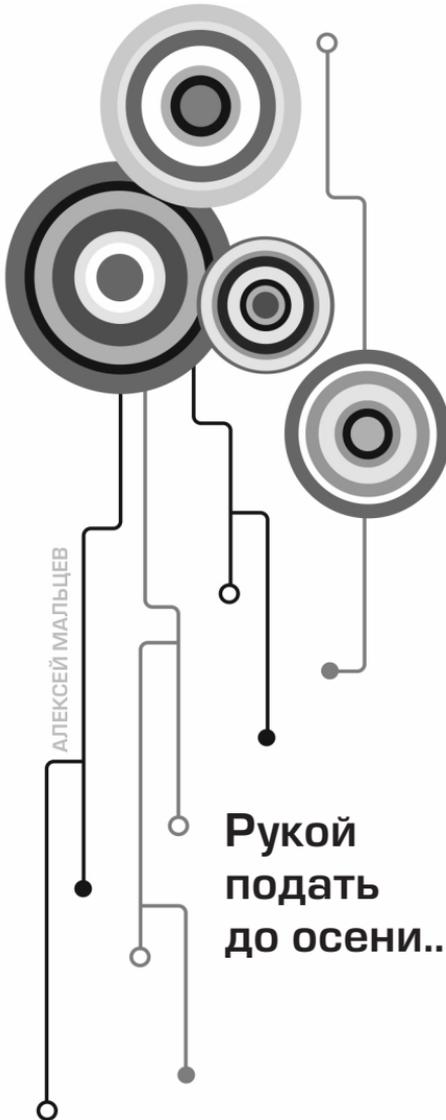
Ворота распахнуты настежь,
в проёме видны облака,
висят рыболовные снасти,
шевелиются от ветерка.

Мой дед, тугодум бородатый,
из вятской породы верзил,
заботливо шкурит лопату,
чтоб руки я не занозил.

Две сотки вскопать — не проблема,
пырей да осот — сорняки.
Кряхтя, дед орудует слева,
я — справа, четыре руки!

Усердие как не отметить!
Мозоли и пот — ерунда.
И пусть дед вскопает две трети,
а я лишь одну — не беда.

У мамы найдутся причины
нам с дедом воздать в свой черёд:
— Смотрите-ка, наши мужчины
вскопали мне весь огород!

АЛЕКСЕЙ МАЛЫЦЕВ

**Рукой
подать
до осени...**

* * *

Я верю дождю,
 что колотится в окна —
обман иудейский
 неведом ему!
Я лучше сто раз
 весь до нитки
 промокну,
чем лживую руку
 однажды пожму.

Я верю дождю,
 морозящему в полночь —
о как безыдеен
 его монолог!
За каплею капля —
 всю душу наполнить
дождя откровеньем
 я так и не смог.

Сосед и осень

Сосед закурить
по привычке попросит,
за водкой в ближайший
спеша магазин...
Он вряд ли заметил,
как бережно осень
зажгла по лесам
канделябры осин,
причудливо высветив
сосен верхушки,
из листьев затеяв
в садах кутерьму...
Сосед не поймёт,
даже если сам Пушкин
из Болдино вдруг
улыбнётся ему.

Август

Мается август,
 безветрие тянется
третью неделю...
 Ни капли дождя!
Что же вы, грозы,
 ворчливые странницы,
мимо проноситеесь,
 не заходя
к нам в захолустье,
 где тропы не тронуты
банкой консервной,
 бутылкой пивной?
Где невзначай
 из озёрного омута
вынырнуть может
 старик Водяной...

И возвратится снег...

Видишь, леса догорают,
осень крадётся вдоль
крытых железом сараев,
изгороди...

Изволь

сердцем принять покорно
ветра хмельного игру...
Комья свежего дёрна
в инее поутру.
Видишь, леса догорают,
глубже дыхание рек.
Скоро похолодает,
и... возвратится снег!

Вчерашний дождь

Под шелест золотых купюр
дождь-перволеток
смывал последний маникюр
с дрожащих веток.
Проклевывалось в том дожде
бунтарское величье,
он сатанел, он бил везде
вчера ещё,
 а нынче
здесь колорит яично-жёлт,
и подберёзовик,
 как болт,
по шляпку
 в дёрн
 завинчен.

Грибная пора

Тут — подосиновик,
там — подберёзовик,
дюжину белых в корзинке несу...
Переплетаясь,
поэзия с прозой
прячутся в мокром осеннем лесу.

Пара маслят, не помятых, увесистых,
всё тяжелеет корзинка моя.
Ждал терпеливо я многие месяцы,
чтобы наведаться в эти края

и побродить по чащобам, где сыростью
тянет от лиственниц и от берёз,
где мухоморы осмелились вырасти
за ночь — почти в человеческий рост!

* * *

Что-то осень нынче
припозднилась,
только-только облетает лес.
И дожди случаются,
как милость
подуставших к вечеру небес.

А под утро
стекленеют лужи,
отражая клёнов наготу..
И как вздох
о только что минувшем,
снег летит
и тает на лету.

* * *

То ли кто траву ночами косит,
то ли кто в степи костры зажёт...
И который год приходит осень,
календарный обгоняя срок.

И насквозь продутым редколесьем
вновь брожу я, сумерки торя...
Здесь я отдыхаю сердцем, здесь я
слушаю молитву сентября.

Сентябрь

День осенний,
 как малый ребенок,
 зарёван,
не утетишишь его леденцом
 и слезу не утрёшь...
Лишь мычит одиноко
 в хлеву за забором
 корова
да по вербным стволам
 пробегаёт холодная дрожь.
А в саду облетевшем
 горят на ветру георгины,
ни в слезах,
 ни в молитвах
 душе утешения нет.
И сплетается всё,
 и сплетается всё воедино:
шелест листьев опавших
 и шелест умчавшихся лет.

Ноябрь

Утром в инее округа,
словно в полусне...
И летит
 сорочья ругань
от сосны к сосне.

Ветерок,
 как рифма,
 свежий, —
по лицу волной...
И не сосен
 слышен скрежет,
а оси земной.

Рождество

Нынче январь
 не на шутку ворчлив —
вон как позёмкой метет между ив,
за ночь, того и гляди,
 занесёт
двор от крыльца
 до тесовых ворот.
С вечера бражки осталось
 чуть-чуть,
утречком чтобы —
 ядрёной —
 хлебнуть,
по первопутку
 воды принести,
дедов колун
 за сараем найти,
чурку поставить,
 махру докурить,
хрястнуть
 во всю молодецкую прыть,
с предком своим
 ощущая родство
в самое
 что ни на есть
 Рождество.

Февраль

Слепые метели —
 душа февраля,
его неуёмная плоть...
Как будто,
 о вечном нам помнить веля,
стихию заводит Господь.

И что там маячит —
 никак не поймёшь,
что ждёт нас за далью пурги:
прозреньё,
 беспамятство,
 новая ложь?
Февраль!
 И не видно ни зги!

Строки марта

Дни словно осеклись.
 В пыли метельном
вдруг оборвался
 их неровный бег...
Я различил:
 за старую котельной
клюют грачи обуглившийся снег.
А снег тот,
 в полдень вытаяв местами,
заметно обмелел к исходу дня...
И как птенцы с разинутыми ртами,
глядят подснежники-островитяне
с чернеющих
 проталин
 на меня.

Снег в апреле

Апрель, усталость,
 талая вода...
И выпавшему снегу —
 таять, таять...
И кажется —
 весна не наверстает
упущенное
 к маю
 никогда.

Где прячется беглянка
 до сих пор?
В урочищах?
 В низинах?
 В захолустьях?
Подобием невыплаканной грусти
кружится снег...
 Всему наперекор.

Утреннее майское

Свежестью утренней,
 зеленью клейкой
брызнул по рошицам
 май-озорник..
Бабка хлопочет
 с оранжевой лейкой,
только что высадив
 перцы в парник.

Видит ворона
 с верхушки осины,
как,
 на участки с утра выходя,
в майской земле
 копошится Россия,
майского просит
 у неба дождя.

Зимний рыбак

Снег осыпается
с веток еловых,
ветер колючий —
всю ночь напролёт.
Пьяный рыбак,
очевидно —
с уловом,
еле в своём балахоне бредёт.

Вот уронил ледобур —
остановка.
Ящик болгается,
больно смотреть...
В этой одежде
чертовски неловко
трезвому даже,
а пьяному — смерть!

Бог сбережёт,
не замерзнёт бедняга,
утром удастся в квартиру попасть...
Может, на месяц,
а может, и на год
к зимней рыбалке
уляжется страсть.

* * *

Игорю Тавдину

Ветер предзимья в канун ноября
схватит дыханье порывом колючим...
Может,
затеплится утром заря,
может
опять затеряется в тучах.

Мне б это утро
с волшебной зарёй
не пропустить ни за что,
не проспать бы...
Осень кончается.
Где же вы, свадьбы?
Что же творится с деревней родной?..

Меж августом и сентябрём

Взметнулись гагары
с болотин замшелых...
И что им не спится?
Меж августом
и сентябрём перешеек
расплавлен зарницей.
Горохом сушёным
рассыпалось где-то
бессонное эхо.
И август за лесом,
и осени нету —
зияет прореха.
Уже всполошились
и звери, и птицы —
забили тревогу.
Ведь сколько безвременье
это продлится —
известно лишь Богу.

* * *

Замерли птицы,
дрожат на весу,
между лиловым и серым — на грани...
Тихой, безветренной осенью ранен,
долго плутаю в сентябрьском лесу.

Что я ищу, без вина захмелевший,
редкие листья с ветвей теребя?
Может, перо
из крыла улетевшей
птицы,
похожей чуть-чуть на тебя?

* * *

Случаются нелёгкие мгновенья —
хоть тресни,
 не идёт стихотворенье,
на части распадается строка...
Бегу туда,
 где кроны,
 словно крыша,
где лиственницы шепчутся чуть слышно,
и ветер мысль
 несёт издалека.

Воробьи

Где в старом сквере
дни февраль листает,
воробышков неугомонных стая
со всей округи,
с проводов слетелась,
решительность вдруг обретя
и смелость.

И ну чирикать
о своём о чём-то —
пронзительно,
игриво, увлечённо,
как будто исполняя
птичий гимн...
И сквер —
пусть ненадолго —
стал другим.

Да только кто услышит их,
пернатых?
У всех в ушах —
наушники, как вата.
А воробьи
напомнить лишь хотели,
что до весны
осталось две недели!

* * *

Бывает, глазам не поверишь,
в колодезной их глубине
тебе померещатся камни...
И взгляд опустив виновато,
начнёшь говорить про другое,
в словах

маскируя

конфуз.

Доверья лишённое сердце
отчаянно так встрепенётся,
обида проступит в глазах
укором немым:

«Ты ошибся!»

Как трудно подчас укротить
свою

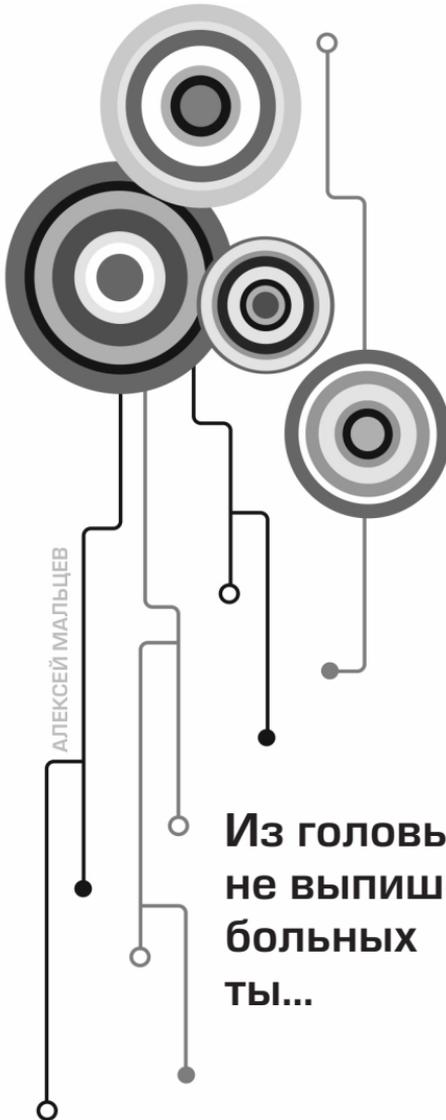
недоверчивость

злую...

* * *

Рукой подать до осени,
тоска на склоне дня...
— Который час? — вы спросите
из сумерек меня.
Казалось бы, прохожего
легко задеть плащом...
— Уж час как осень... Может, мы
увидимся ещё?

И — хватит,
больше слов не надо!
И так всё было
как во сне...
Любовь совпала с листопадом,
а мы потом
совпали с ней.

АЛЕКСЕЙ МАЛЫЦЕВ

**Из головы
не выпишешь
больных
ты...**

Возвращение в медицину

Потянуло что-то, братцы,
несмотря на суету,
в мир перкуссий
и пальпаций,
в царство Коха и Манту.
В медицину мне,
короче,
захотелось снова вдруг...
Писанина снится ночью —
Доплер,
Холтер,
ультразвук...
Жил,
раскаянья не ведал,
крепко спал,
тахту давил...
Десять лет прошло,
как предал,
десять лет,
как изменил.
Ностальгией переполнен,
маюсь,
сам себе не рад...
Там меня, конечно,
вспомнят...
Только примут ли назад?!

Медики глубинки

Благодарность за лечение —
горстка голубики,
свежесобранный букетик полевых цветов...
Фельдшерицы, акушерки, медики глубинки, —
как живётся вам, врачуется
вдали от городов?

Эта участь не из лёгких:
встать с утра пораньше,
бездорожьем до больницы —
невесёлый путь...
Овдовевшие старухи —
пациентки ваши.
Сколько их теперь в России,
знает кто-нибудь?

Да и где теперь отыщешь
днём с огнём крупинки
бескорыстия, милосердия?...
Разве что у вас...
Фельдшерицы, акушерки,
медики глубинки...
Всё ещё у нас наладится.
И — в добрый час!

Дежурство и дождь

А дождь за окнами больницы,
как фильм, идёт.
И кажется, что август длится
не первый год.

Хоть день за днём мелькают шустро —
то вкривь, то вкось...
Глядишь — опять твоё дежурство
в дожде насквозь.

И выходя из оперблока,
вздохнёшь шутя:
— Что ж, оперировать неплохо
под шум дождя!

**День
медицинского
работника**

Нагрязнула жара,
и с непривычки
зажим с пинцетом
валятся из рук.
Июнь всю гостит
в саду больничном,
как на картошке —
колорадский жук.

Прогнозами синоптиков
обманут,
он сам понять не может
до поры:
к примеру,
почему
 пять дней
 не вянут
фиалки
 на столе
 у медсестры?

Коллеги

Мне по душе февральские метели,
 пожалуй, со студенческой скамьи...
 Когда мы соберёмся,
 в самом деле,
 седые однокурсники мои?!
 Когда наполним звонкие фужеры,
 как в юности,
 смыкая тесный круг
 хирургов,
 терапевтов,
 акушеров
 и главврачей,
 и докторов наук?!
 Мы вспомним всё:
 капустники, застолья,
 экзаменов бессонный марафон,
 студенческую жизнь
 времен застойных
 и трезвость
 перестроечных времен,
 мозоли стройотрядов,
 писанину,
 дежурства в беспросветной маете...
 Увы, не все остались в медицине:
 кто — за бугром,
 кто — в бизнесе,
 кто где...
 Пока живём, не нищенствуем вроде,
 прогнозам всем разумным вопреки.

Коронавирус сзади тенью бродит,
всё норовит сломать нам позвонки.
Он шар земной опутал весь...

И всё же —
какая бы эпоха ни была —
коллеги,
кроме нас
никто не сможет
его навечно выбить из седла.

Почерк снегопада

Где в снегопад
 мерцают пихты тускло,
привыкшие к страданиям чужим,
сквозь утренние сумерки,
 с дежурства
бредёшь, а в голове:
 «Сушить!... Зажим!...»

Ты — там ещё душой,
 с больными рядом,
той суетой бессонною живёшь...
И невесомый почерк снегопада
чуть-чуть на твой,
 размашистый,
 похож.

Из головы не выпишешь больных ты,
диагноз ясен:
 нет пути назад.
Прислушайся:
 проснувшиеся пихты
о том же самом,
 кажется,
 шумят.

Глазами медика

Белый дымок за машинами,
иней на ветках берёз...
Словно инфаркт, неожиданно
утром ударил мороз.

В полдень, подняв его на смех,
как неудачную шалость,
чем-то похожа на насморк,
оттепель нарисовалась.

Тучи теснятся в обнимку
в небе... Ну как по заказу!
Давят рентгеновским снимком —
там, где одни метастазы.

Из-под земли откровение
вырвалось струйкою тоненькой...
Сдохла труба отопления,
словно сосуд гипертоника.

Так и живём — параллелями,
смутной похожестью маемся...
В том, что как брёвна в постели мы —
вряд ли кому-то признаемся.

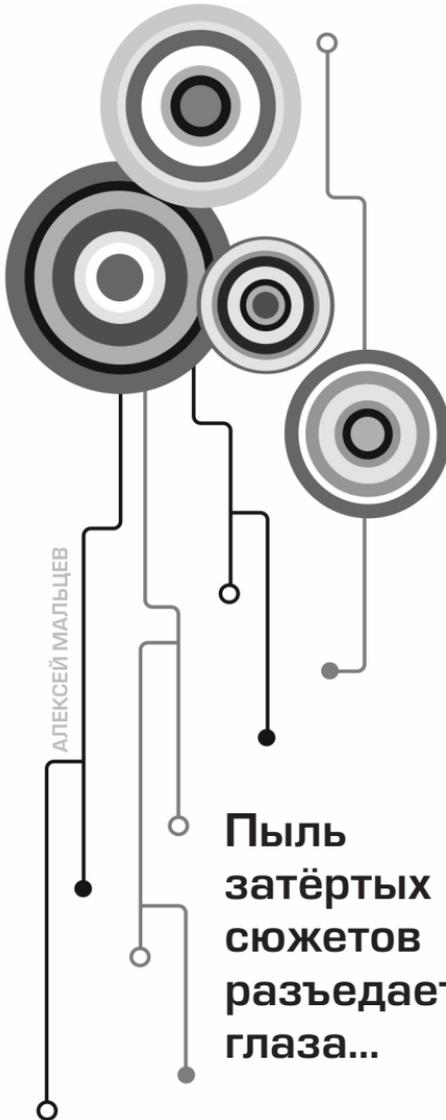
Участковый терапевт

Больничный парк немного скован,
всё грезит памятью о лете...
Ну, каково быть участковым
в начале нового столетья?

Рябиновая гроздь алеет,
пастель и охра не иссякли,
а россияне всё болеют
и здоровее станут вряд ли.

Приём расписан по минутам,
стоит дежурство в воскресенье...
А годы после института
летят, как стаи птиц осенних,

меняя взгляд, меняя почерк...
Каким бы ни был день сумбурным,
хоть пару стихотворных строчек
черкнуть на бланке рецептурном.

АЛЕКСЕЙ МАЛЫЦЕВ

**Пыль
затёртых
сюжетов
разъедает
глаза...**

Триллер

*Выходу романа
«Шиза»*

В неповторимом
динамичном стиле,
все тайные желанья воплотив,
я выдал наконец
суровый триллер —
не боевик,
не фарс,
не детектив.
Я наконец
хоть что-то снова выдал,
и так,
и эдак
складывал слова...
Редактор в них изюминку увидел,
и книгу напечатала Москва.
А это,
я скажу вам,
не игрушки!
А это,
я скажу вам,
не пустяк!
Там происходит действие в психушке,
и заправляет действием маньяк!
Название —
хоть заново родись ты,

так сквозь пески
 несёт свой яд гюрза,
так учатся
 дудеть в дуду горнисты —
шипяще-незатейливо —
 «ШИЗА»!
Вперёд,
 её величество
 интрига!
Крутись сюжет
 пропеллеру под статью!
А мне уже вторая снится книга,
и третья не заставит долго ждать.
Про женщин позабыл
 и про стихи я...
Сам удивляюсь как,
 но как-то смог!
«Да здоровствует, —
 шепчу, —
 психиатрия,
да здоровствует,
 издательство «ЭКСМО»!»

Бумажная родня

О, сколько книжек подписать мне
за эти годы довелось!

Размашисто,
 в одно касанье,
плясали строчки
 вкривь да вкось...

Где вы сейчас,
 души осколки,
моя бумажная родня?...
Небось,
 скучаете на полке
и вспоминаете меня?

Книга — как подсолнух

*Выходу сборника стихов
«Капризы погоды, капризы любви»*

Неповторимость текущего мига,
что фееричен и ярок...
К Новому году —
новая книга,
это ли не подарок!

Давят на сердце «капризы погоды...»,
впрочем,
в любви всё иначе...
Новая книга
к Новому году —
это ли не удача!

Память давно уже,
как неотложка,
мечется в улицах сонных...
Нервно теснятся стихи под обложкой:
книга —
она как подсолнух —

честно открыта и солнцу,
и людям
россыпью искренних строчек,
тем, кто страдает,
ревнует и любит —
всем россиянам, короче.

Книга и женщина

*Выходу сборника стихов
«Непохожая жизнь»*

Новая книга —
 как женщина,
хоть со стихами,
 хоть в прозе...
Только в размерах уменьшена
и «решена» в целлюлозе.

Так же секреты хранит она,
светлые,
 тёмные пятна...
Так же порой не дочитана
и до конца
 не понятна.

Так же бедняжка старается
ваши развеять вопросы...
Лишь небольшая есть разница —
книга вас
 точно
 не бросит!

Детективный ажиотаж

Печёнкой чую —
 что-то здесь нечисто.
Убийце кто-то,
 видимо, помог...
Как пуля, новость
 по каютам мчится,
туман висит,
 как сигаретный смог.
Закручена
 судьбы головоломка...
Догадка вспыхнет
 титрами в кино:
яснее ясного —
 порвётся там, где тонко,
а там, где крепко —
 выдержать должно!
Кто на кофейной гуще,
 кто на пальцах —
гадают все,
 судьбу предвосхитив...
И в курсе
 лишь один коллега Мальцев,
какой
 у преступления мотив.

* * *

*Выходу романа
«Роковой клад»*

Нити истории
 тянутся в прошлое,
в мистику лозунгов,
 в пафос надежд
не оправдавшихся...
 В жуткое крошево
чёрных намерений,
 белых одежд.

Где вороньё
 в одиночку ли, стаями —
каркало что-то
 про рай и про ад...
Лет девяносто назад
 отмотаем мы
и окунёмся в крестьянский уклад.

Флаг на конторе колхозной
 колышется,
свиньи в канаве жуют лебеду...
Если кулацкий тайник и отыщется,
то не на счастье,
 скорей — на беду.

Всё так свежо,
 так знакомо,
 так близко нам,
что не уснуть
 до последней главы...
Книга про клад
 для того и написана,
чтоб про бессонницу
 вспомнили вы.

Зазеркалье моё

*Выходу книги
«Тайна речного тумана»*

За удачу держаться
всё трудней и трудней...
Книга № 15,
мы повязаны с ней!

Пыль затёртых сюжетов
разъедает глаза,
ни на то, ни на это
отвлекаться нельзя!

Я смотрю на героя —
он задёрган, небрит...
На меня он, не скрою,
априори сердит.

За библейское имя,
за нешуточный риск...
Издеваюсь над ним я,
как последний садист.

Кто убил конференса?
Кто бродил в неглиже?
Неужели ни шанса
не осталось уже?

Резюмируя вкратце,
так скажу про неё:
книга № 15 —
зазеркалье моё!

Отзывы о творчестве

В творчестве своём Алексей Мальцев, как мне кажется, следует принципу «Распечатай семь печатей», за каждой из которых кроется отдельное направление: стихи, песни, в том числе и детские, рассказы, детективы, фантастика, историческая проза, сценарии... Ему скучно заниматься чем-то одним, он не замыкается в рамках раз и навсегда зазубренного жанра, меняя системы координат, точки отсчёта, переключаясь с одной парадигмы на другую. Пока ему всё удастся, в каждом из направлений он взял стратегическую высоту. Что будет дальше — увидим.

*Юрий БЕЛИКОВ,
поэт, прозаик, эссеист,
член Высшего творческого совета
Союза писателей XXI века, лауреат общероссийской
литературной премии имени Антона Дельвига
«За верность Слову и Отечеству»*

У поэзии Алексея Мальцева своё биополе, соприкоснувшись с которым невольно заболеваешь. Благодаря особой — мальцевской — интонации, неброской исповедальности и теплоте, спрятанной в метафорах, к его стихам хочется возвращаться снова и снова. Они узнаваемы — по одной-двум строчкам, о чём бы он ни писал — ощущаешь причастность к этому.

Я впервые познакомился со стихами Алексея Мальцева в интернете, когда организовал поэтическую группу «СтихоТворения». Его строки выделялись зрелостью поэтических

находок, самостоятельной образностью. Пообщавшись с автором, я выбрал несколько его вещей для своего YouTube-канала. Особой популярностью у зрителей и слушателей до сих пор пользуется стихотворение Мальцева «Хочу в семидесятые».

Желаю Алексею счастливой поэтической судьбы!

*Владимир ГЛАЗУНОВ,
тележурналист, продюсер, режиссёр,
ведущий программы «Рождённые в СССР»
на телеканале «Ностальгия»,
член Союза журналистов РФ*

Алексей Мальцев — известный российский поэт. Его песенное творчество давно вошло в сознание россиян. Песни его глубоко лиричны. Масштаб словарного запаса уходит в бесконечность, а графический рисунок произведения доступен взгляду ребёнка. Алексей Мальцев точно оставляет место в стихотворении поэзии и музыке. Поэтому его песни масштабные и трогают сердце.

Мое стихотворение «Отчего так в России берёзы шумят» вначале прочитал Мальцев. Я волновался. Ждал ответа. И был рад, что оно ему понравилось.

*Михаил АНДРЕЕВ,
поэт-песенник, автор хитов групп «Любэ»,
«Иванушки International», «Белый орёл» и др.,
член Союза писателей РФ*

Фото: Владимир Бикмаев

Алексей Васильевич МАЛЬЦЕВ

Родился 20 октября 1961 года в городе Усолье (ныне Пермского края). Окончил Пермский государственный медицинский институт (1985). Работал по специальности. В настоящее время трудится в сфере рекламы и маркетинга.

Первая творческая публикация относится к 1986 году. Первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми — «Меж августом и сентябрём». Издавался в Москве, Екатеринбурге, Перми. Автор более двух десятков книг — поэзии, детективов, фантастики. Написал сценарии нескольких историй сериала «Понять. Простить» на телевидении. В качестве поэта-песенника сотрудничает с композиторами Санкт-Петербурга, Перми и ближнего зарубежья. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии Правительства Кировской области имени русского поэта Николая Заболоцкого (2013), кавалер ордена Достоевского II степени (2012).

Живёт в городе Перми.

Краткая библиография

- Меж августом и сентябрём: стихи. — Пермь: Галоген, 1995. — 72 с.
- Траектория: стихи. — Пермь: Галоген, 1999. — 80 с.
- Вакцина против мафии: повесть. — Москва: ЭКСМО, 2001. — 320 с.
- Нож и ствол: повесть. — Москва: ЭКСМО, 2002. — 320 с.
- Алмазный король: повесть. — Москва: ЭКСМО, 2003. — 320 с.
- Инстинкт росомахи: роман. — Москва: ЭКСМО, 2003. — 384 с.
- Алмаз в воровской короне: повесть. — Москва: ЭКСМО, 2004. — 354 с.
- Щука в гипсе: роман. — Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. — 400 с.
- Призрачно всё: роман. — Пермь: Издательский дом «Пермский край», 2010. — 284 с.
- Непохожая жизнь: стихи. — Пермь: Звезда, 2011. — 128 с.
- Капризы погоды, капризы любви: стихи. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2015. — 160 с.
- Шиза: роман. — Москва: «Э» (ЭКСМО), 2016. — 288 с. [в мягком переплёте (покетбук).— Москва: «Э» (ЭКСМО), 2017. — 320 с.]
- Взгляд мангуста: стихи. — Пермь, 2018. — 36 с.
- Тайна речного тумана: роман. — Москва: «Э» (ЭКСМО), 2019. — 286 с. [в мягком переплёте (покетбук).— Москва: «Э» (ЭКСМО), 2019. — 320 с.]
- Марсианка: сборник прозы. — Москва: РуДа, 2019. — 264 с.
- Резюме по факсу: роман. — Москва: РуДа, 2019. — 200 с.
- Роковой клад: роман. — Москва: РуДа, 2019. — 240 с.
- Страшно только в первый раз: роман. — Москва: ЭКСМО, 2019. — 320 с.
- Это не моя жизнь: роман. — Москва: РуДа, 2020. — 320 с.
- Мышеловка для бабочек: роман. — Москва: РуДа, 2020. — 310 с.

Содержание

Я СНОВА С ЭТИМ ГОРОДОМ ГОТОВ ДЕРЖАТЬ ПАРИ...

Строки о Перми	6
Простуженный город	7
Дороги Прикамья	8
Криминальная осень	10
Час пробуждения трамваев	11
Есть города... ..	12
Подросток	14
Осень на Компресе	15
Жить бы, как Пермь... ..	16

ХРОНИЧЕСКИЙ БЕДЛАМ ДУШИ...

Неуверенность в себе	18
Епифан с Люцифером	20
Душевный тупик	23
Экспромт	24
Если... ..	25
Последняя строка	26
«Как мало, Господи, таких...»	28
По осени	29
Гоголь	30
С Днём писателя!	31
Шизофрения	32
Непохожая жизнь	34
Встреча с самим собой	35
Двойник	36
Поэты России	38
Повод выпить	39
Хочу в семидесятые	40

Всё лучшее — в прошлом	42
Свет заблудившейся Хандры	44
Звонок из детства	46

МЫСЛИ, СЛОВНО ВЕТКИ, ИНДЕВЕЮТ..

«Не знаю...»	48
Взгляд мангуста	49
Мужчина и спички	50
Баба Настя	51
Вначале	52
«Умер человек...»	54
Середина жизни	56
Рукавички, валенки	57
Чебаркуль (<i>Фрагменты зимних сборов</i>)	58
Разве могло нам присниться?	60
Дискотека 80-х	62
Фронтвик	64
Крик птицы	65
«Ветер южный...»	66
Песни нашей юности	67
Снимок фортуны	68
На ощупь	70
Тоннель России	71
Плач по девянстым	72

ЗАРЯД ЛЮБВИ, ДОБРА И БЕСКОРЫСТЬЯ...

«Мелькают дни...»	76
Девочка-весна	77
Монолог пермячки	78
Избы	80
«Снова осень горбится стогами...»	81

«Я в зарослях...»	82
Унесло поплавки в Мировой океан.....	83
Ваенга	84
Захолустье	85
Ходики.....	86
«Не то чтобы очень...»	88
Пихты на кладбище.....	89
Храни вас Бог, учителя!	90
В первом классе.....	91
Болеет мать.....	92
«Осенние строки...».....	93
Чудо	94
Узамбарская фиалка.....	95
Коллекция улыбок	96
Сосулькин блюз	98
Себе на юбилей	100

ВОТ ПРИБЛИЖАЮСЬ К НЕЙ, КРАСНЕЯ...

По траектории дождя	102
«Снег в стекло пригоршнями...».....	104
«Вот, расстались...».....	106
Сонет-сказка	107
Капризы погоды, капризы любви	108
Я просто убит.....	109
Попытка	110
Точка над «і»	112
Умытая дождём.....	113
Утрата? Потеря?	114
Напутствие	116
В забытой заводи.....	118
Воспоминание о пшённой каше.....	119
Сюжет	120
Платье в горошек	122

Я слабости твои боготворю.....	123
У входа в оттепель... ..	124
Дорожная философская.....	126
Васильковые сны	128

ТАМ, ГДЕ ЗАКОПАНЫ СОКРОВИЩА АПАЧЕЙ...

Наказание для родителей.....	130
«Далёкого детства забытый сюжет...»	131
Песочница	132
Рыбаки.....	133
У папы выходной	134
Вундеркинд	135
Записка	136
Кто украл снеговика?	138
Пылесос	140
Странный день	141
Не пройденная тема.....	142
Детектив	143
Первоклассник.....	144
Я разочарован.....	145
Домовой.....	146
Копилка	147
Тайник	148
Мухоморы.....	149
Что это было?	150
Пора взрослеть	151
Зануда и задира.....	152
Дружнее семьи не найти	154
Чем бы прославиться?.....	156
Зарядка для мобильного.....	158
Белый и пушистый.....	160
Понедельник	162
Безвкусица.....	164

На тропе войны	166
Детство.....	168

РУКОЙ ПОДАТЬ ДО ОСЕНИ...

«Я верю дождю...».....	170
Сосед и осень.....	171
Август.....	172
И возвратится снег.. ..	173
Вчерашний дождь	174
Грибная пора.....	175
«Что-то осень нынче...»	176
«То ли кто траву ночами косит...»	177
Сентябрь.....	178
Ноябрь	179
Рождество	180
Февраль.....	181
Строки марта	182
Снег в апреле	183
Утреннее майское.....	184
Зимний рыбак	185
«Ветер предзимья в канун ноября...».....	186
Меж августом и сентябрём.....	187
«Замерли птицы...».....	188
«Случаются нелёгкие мгновенья...»	189
Воробы	190
«Бывает, глазам не поверишь...».....	191
«Рукой подать до осени...»	192

ИЗ ГОЛОВЫ НЕ ВЫПИШЕШЬ БОЛЬНЫХ ТЫ...

Возвращение в медицину.....	194
Медики глубинки.....	195

Дежурство и дождь	196
День медицинского работника.....	197
Коллеги.....	198
Почерк снегопада.....	200
Глазами медика.....	201
Участковый терапевт.....	202

ПЫЛЬ ЗАТЁРТЫХ СЮЖЕТОВ РАЗЪЕДАЕТ ГЛАЗА...

Триллер.....	204
Бумажная родня	206
Книга — как подсолнух.....	207
Книга и женщина.....	208
Детективный ажиотаж	209
«Нити истории тянутся в прошлое...»	210
Зазеркалье моё.....	212
Отзывы о творчестве	214
Об авторе	216
Краткая библиография	217

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы

том 27

**Алексей
МАЛЬЦЕВ**

**ПУНКТИР
ГАБАРИТНЫХ
ОГНЕЙ**

сборник стихотворений

Автор проекта *В. Якушев*

Корректор *Н. Семукова*

Дизайн серии, вёрстка *С. Неведомская*

ISBN 978-5-6044740-4-4

9 785604 474044

Пермская краевая общественная (профессиональная) организация Союза писателей России, ПКОО «Пермский писатель».
г. Пермь, ул. Сибирская, 30, permsprossii@rambler.ru
Подписано в печать 09.09.2021 г. Формат 70x108^{1/32}.
Бумага ВХИ. Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 100 экз. Заказ № 14 546.
Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом в ООО «Универсальная типография «Альфа Принт», www.alfaprint24.ru, тел. 8-800-300-16-00.

27

антология
пермской
литературы

ISBN 978-5-6044740-4-4

9 785604 474044

16+